

КАЩКАЯ ЛЕТОПИСЬ

№ 3
(163)
лето
2012
года

Кадка. Лето. Косой омут у Широбокова.

Снимок С. Темняткина, 2012 год

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОМЕРУ

Журнал краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)
«Кацкая летопись»
№ 3 (163)
лето 2012 года
Цена свободная

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей в 1992-2002 гг.

Редакционная группа:
Ю.Н. ЕРШОВ
С.Н. ТЕМНЯТКИН

ИЗДАТЕЛЬ
МУК «Этнографический музей
кацкарей»

АДРЕС РЕДАКЦИИ
И ИЗДАТЕЛЯ:
152846, Ярославская обл.,
Мышкинский р-он,
д. Мартыново,
ул. Музейная, д. 27
ТЕЛЕФОН В МАРТЫНОВЕ
(48544) 3-27-36
ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА
katskari@yandex.ru
temnyatkin.s@mail.ru

Публикуемые материалы
не обязательно отражают
точку зрения редакции

**Музей кацкарей
ждёт помощи!**
ИНН 7619004229
КПП 761901001
расчётный счёт
40703810977153000101
Северный банк Сбербанка
России ОАО г. Ярославль
корр. счёт
30101810500000000670
Отдел финансов
администрации
Мышкинского МР
(МУК «Этнографический
музей кацкарей»)

© «Кацкая летопись»
Перепечатка –
обязательно со ссылкой
на «КЛ»

Номер набран и сверстан
в МУК «Этнографический
музей кацкарей»
(д. Мартыново
Мышкинского района
Ярославской области),
отпечатан в ОАО «Полиграфия»
(г. Ярославль,
ул. Республиканская, д. 61)
Заказ **2762** *** Тираж **800**

СПОНСОР ВЫПУСКА
Некоммерческая
организация КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

ТАК И ЖИВЁМ

Нам 20 лет!

3 стр.

ЧИТАТЕЛЬ ПОЗДРАВЛЯЕТ

Михаил Преображенский
Юбилею «КЛ» посвящается

3 стр.

ФОТО НА ПАМЯТЬ

Надежда Чернышова
Делают деревню красивей

4 стр.

КАЦКИЙ СТАН СЕГОДНЯШНИЙ

Современные новости древней Кадки

5 стр.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ 20-ЛЕТИЯ «КЛ»

Светлана Левагина
«Кацкая летопись» и заволосные

6-9 стр.

ПАМЯТИ ЗЕМЛЯКА

Сергей Темняткин
Умерла Мария Киселёва

10 стр.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

У замка на горной вершине...

11 стр.

Я ПОКОНУ КАЦКОГО

Ольга Зайчикова
Щеглаковы – тютчевские крестьяне

12-13 стр.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Елена Гусева
Пальцево, и с ним Репин починок

14-15 стр.

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Татьяна Третьякова
Кацкари – военнопленные
Первой мировой войны

16-19 стр.

У НАШИХ СОСЕДЕЙ

Елена Чернухина
Эх, погуляем...
(Наиболее значимые сельские праздники
Некоузского района в 50-80-х годах XX века)

20-21 стр.

КАЦКАРИ

Рождествено. Май

22-23 стр.

ИЗ СТАРИННОЙ КАРТЫ

Пальцево и Репин починок

24 стр.

ПОПРАВКА

В предыдущем № 2 (162), весна 2012 года в датировке фотографии на 27-ой странице «Ордино. Ветераны» допущена ошибка: конечно же, снимок сделан 9 мая 1990 года, а не 1945-го, как мы написали. Видимо, это уже в подсознании у русского человека – вслед за числом «9 мая» всегда ставить «1945 год».

Так и живём

Нам 20 лет!

Ну вот и свершилось: в августе 2012 года журналу краеведов волости Кадки (Кацкого стана) «Кацкой летописи» (а сокращённо – «КЛ») исполняется ровно 20 лет. Дожили!

Напомним читателям основные, скажем громко, «вехи» истории «КЛ». В 1992-2002 годах она была газетой. Желание издавать её было большим, а вот умения не было никакого, и первый, августовский 1992 года, выпуск «КЛ» пришлось разместить на страницах мышкинской районной газеты «Волжские зори» за № 93 от 3 октября 1992 года. Второй, майский 1993 года, выпуск «КЛ» появился тоже на страницах «Волжских зорь» – в №№ 50 и 54 от 26 июня и 10 июля 1993 года.

А вот начиная с № 3, вышедшего в августе 1993 года, «КЛ» стала самостоятельной и издавалась ежемесячно тиражом 200 экземпляров. Помните ли её? Всего один лишь лист формата А3, печатавшийся техникой «высокая печать» в Мышкинской типографии. Металлические строчки отливались на наборных строкоотливных машинах Н-14 и Н-140 наборщицами Натальей Алексеевной Ткач и Надеждой Евгеньевной Климановой, собирались в газетные полосы и печатались на плоскочечной машине ПС-1М печатником Владимиром Александровичем Козыкиным.

С декабря 1994 года «КЛ» удвоилась в объёмах и, за редкими исключениями, выходила на четырёх страницах.

Первые материалы для «КЛ» готовили Сергей Николаевич Темняткин (тогда учитель Мартыновской школы и художественный руководитель Мартыновского Дома культуры), Лидия Ивановна Чуракова (и тогда, и ныне заведующая Мартыновской библиотекой) и Александра Борисовна Дорощеева (в ту пору директор Мартыновского Дома культуры), а потом появились и другие авторы. Помнится, как долго не давалась вёрстка, и первые годы «КЛ» верстала ответственный секретарь «Волжских зорь» Галина Александровна Ивлева.

В 1999 году у «КЛ» три большие перемены. Во-первых, она стала распространяться по всему Кацкому стану (да-да, до этого времени «КЛ» была газетой только Мартыновской сельской территории), во-вторых, поменяла формат на теперешний А4, а в-третьих стала издаваться один раз в два месяца. Её тираж колебался от 400 до 700 экземпляров, а объём от 12-ти до 16-ти страниц.

С 2003 года «КЛ» стала именоваться журналом. Это было сделано после заключения Тверской региональной инспекции по защите свободы печати и массовой информации. С того же года «КЛ» приобрела и привычную теперь периодичность: один раз в квартал.

Самым большим недостатком «КЛ» того времени было отсутствие иллюстраций – размещать их не позволяло устаревшее оборудование Мышкинской типографии. В 2003-2004 годах придумали такой выход: в Угличе, в ООО «Тройка», на принтере изготавливали иллюстрированные обложки, везли их в Мышкин и шивали там с отпечатанной по старинке «слепой» серёдкой. Хлопотно!

И вот с 2005 года «КЛ» издаётся в Ярославле, в типографии «Полиграфия». Выработался свой «фирменный» стиль оформления и подачи материала, за который большое спасибо верстальщику «Угличской газете» Людмиле Степановне Гуровой – она и до сих пор много помогает «КЛ» с вёрсткой. Ну а иллюстраций теперь в «КЛ» много; они не только украшают журнал, но и документируют кацкую жизнь.

Так постепенно «КЛ» стала такой, к какой мы все привыкли: периодичность – четыре выпуска в год, формат А4, объём – 24-28 страниц, тираж – 800 экземпляров. Кстати, это много: обычный тираж краеведческих изданий – 200 экземпляров. Впрочем, трижды удавалось выпустить дополнительные – специальные – номера тиражом до 5000 экземпляров.

Вот, кажется, и вся биография. Нераскрытым остался только финансовый вопрос. Что ж, затраты на один выпуск «КЛ» – около 25000 рублей. В 1990-е годы изданию «КЛ» много помогали отдел Мартыновской сельской территории, администрации Мышкинского и Угличского районов, Ярославской области, но со временем всякая помощь со стороны властей прекратилась – «КЛ», как и вся деревня вообще, стала для них «неформатом». Издание осуществляется за счёт средств, заработанных в туризме. Таким образом, «КЛ» – независимое издание. И главный капитал её – читательская востребованность, за которую большую часть спасибо!

Читатель поздравляет Юбилею «КЛ» посвящается

*Двадцать лет почти с тобой дружу,
Вчитываюсь в каждую страницу,
Словно воздуха я свежего вдохнул
И испил колодезной водицы.*

*Поднят целый пласт из жизни
кацкарей –
Нравы, говор многих поколений.
На душе становится теплей
От приятных радостных мгновений.*

*Словно в юность окупился я:
Визу маковки церквей
в родимых сёлах,
Многоцветье незамысловатых хат
И родной, так милый сердцу говор!*

*Слышу трель гармошек заливных,
На «биседах» лихо так играли –
Каждый гармонист был просто клад,
И по удали его мы узнавали.*

*Той войны тяжёлой круговерть,
Как трудились люди допоздна,
Как ходили в школу за семь вёрст,
Сколько бед наделала война.*

*Мысленно пройду по тем местам,
Где мальчишкой босоногим бегал,
Где грибы и ягоды искал,
Где я первую любовь свою изведаль.*

*Поклонюсь и долго постою
У могилы и отца, и деда
И сердечно ваш журнал благодарю,
Что о них он многое поведал.*

*Благодарен за бесценный труд
И скажу вам прямо, без оглядки:
Всем вам низко в пояс поклонюсь,
И особенно тебе, Сергей Темняткин!*

*Наша благодарность и любовь,
Вы нужны для волости всегда,
Творческих успехов и побед,
А журналу – многие лета!!!*

С искренним уважением,
**Михаил Ростиславович
Преображенский,**
пос. Поддого, Коношский р-он,
Архангельская обл.

Вот такая обложка была у одного из номеров «КЛ» в 1999 году.

Из архива «КЛ»

Фото на память

Делают деревню красивей

Красота и ухоженность любого населённого пункта во многом зависят от людей, которые в нём живут, от их равнодушия к родным местам. К внешнему виду своей деревни жители Мартынова относятся очень внимательно. И не только потому, что в Этнографический музей кацкарей ежегодно приезжают тысячи туристов – люди в Мартынове живут хозяйственные, любящие свою деревню с детства.

Туристический маршрут содержится в порядке постоянно. У своих домов чистоту наводят сами владельцы, а для уборки проезжей части и других общественных мест привлекаются деревенские подростки. Социальное агентство молодёжи Мышкинского района для этой цели на период с апреля по октябрь ежегодно выделяет одну или две ставки. В текущем году мусор по туристическому маршруту, чередуясь, убирают Ира Тарасова, Уля Чеснокова, Олеся Смирнова и Катя Каретникова.

Активно занимаются уборкой деревни сотрудники Этнографического музея кацкарей – ежегодно они проводят по пять-шесть субботников. В прошлом году, например, очистили от зарослей кустарника берега Алёнкиного и Мелёшкиного прудов, привели в порядок улицу Прогон. Срубленные сучья и прочий мусор увезли на свалку.

Занимается вопросами благоустройства и местная администрация. Её

специалист Надежда Николаевна Замяткина в прошлом году организовала общедеревенский субботник на улице Каменке. Народу пришло много, и всем миром была приведена в порядок территория возле памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны землякам.

И в нынешнем году, как только сошёл снег, жители Мартынова вновь решили заняться благоустройством своей деревни. Давно шёл разговор, что улица Школьная остаётся неприбранной, причём на ней очень разрослись серебристые тополя, огромные сучья которых при сильном ветре валились на дорогу, на электрические провода, под угрозой оказались и жилые дома. На нынешнем субботнике решено было привести эту улицу в порядок.

Глава Приволжского сельского поселения Елена Николаевна Коршунова решила вопрос о том, чтобы в деревню приехали специальная техника (как говорят в народе, «выш-

ка») и специалист по распилке деревьев Николай Орлов. Работа кипела два дня. Пришли с топорами, бензопилами, вилами и граблями местные жители. А Николай Николаевич Ершов, Евгений Александрович Каретников, Сергей Николаевич Петухов и Андрей Васильевич Чесноков приехали на личных тракторах с телегами.

На субботник собралось около тридцати человек. Было спилено пятнадцать тополей (некоторые из них в несколько обхватов) и вывезено на свалку двадцать телег кряжей и сучьев. Вырублены были также лишние заросли рябины с черёмухой, и теперь улица Школьная выглядит как картинка.

Субботник закончился небольшим застольем. Настроение от выполненной работы у всех хорошее. Теперь жители улицы Школьной планируют обновить у своих домов изгороди палисадников. А для старшей здешней учительницы Валентины Ивановны Топтыгиной новый штакетный забор мартыновские мужики неделю спустя установили совершенно бесплатно. Молодцы!

Надежда Ивановна Чернышова,
«Волжские зори»

На память сфотографировались участники субботника (слева направо): Николай Викторович Румянцев, Ольга Николаевна Темнятина, Галина Николаевна Смирнова, Наталья Витальевна Шалаева, Юрий Николаевич Ершов, Виталий Анатольевич Бодю, Надежда Николаевна Замяткина, Вера Викторовна Галунова, Николай Николаевич Ершов, Анастасия Владимировна Румянцева, Андрей Евгеньевич Карасёв, Евгений Васильевич Григорьев, Вячеслав Николаевич Ершов, Евгений Александрович Каретников, Валерий Михайлович Галунов, Владимир Николаевич Темняткин, Владимир Васильевич Чесноков. 19 апреля 2012 года.

Снимок С. Темняткина

Кацкий стан сегодняшний

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ЧТО ПОСЕЯЛИ, ТО И СОЖНЁМ...

Ну что ж, четыре кацких колхоза, а по-новому сельскохозяйственных производственных кооператива, до весны 2012 года дотянули и, кто как смог, посевную кампанию провели. Из зерновых культур на их полях остался только овёс; в СПК «Искра» (Балакирево) им засеяли 300 гектаров, в СПК «Оборона» (Рождествено) – 170 га и в СПК «Верный путь» (Мартыново) – 200 га.

Лён – это прежде всего специализация СПК «Мерга», созданного на базе Рождественского льнозавода. Собственной земли у хозяйства нет, и 458 га было засеяно на арендованных полях СПК «Оборона» и СПК «Верный путь». Последние два хозяйства, кстати, нынче и сами сеяли лён: 100 га СПК «Оборона» и 100 га СПК «Верный путь».

ОРДИНСКОЕ ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО: СЕЮТ НА УРОВНЕ КОЛХОЗОВ

В Нижней Кадке (как и в Верхней) действующих колхозов как таковых не осталось. Но сеющее хозяйство есть – это Ординское охотничье хозяйство. Нынче на его полях 105 га горохо-овсяной смеси и 10 га озимой пшеницы – вполне на уровне современных СПК!

ОБРАЗОВАНИЕ В КАДКЕ: НА ТРИ ШКОЛЫ 12 ВЫПУСКНИКОВ

Май – время последних звонков; прозвенели они и в трёх оставшихся кацких школах. Вернее, в двух, потому как в Костевской (все её привыкли называть Платуновской) начальной школе выпускного четвёртого класса в закончившемся учебном году не было. Девятый класс Ординской основной общеобразовательной школы нынче закончили 2 ученика. В Рождественской средней школе – 10 выпускников, закончивших одиннадцатый класс. И золотая медаль, между прочим – у Марии Карповой из Рождествена!

КАЦКИЙ ТУРИЗМ: ИТОГИ 2011 ГОДА

Что-то давно не писали мы о кацком туризме, и читатели это заметили. Исправляем оплошность. Туристический поток в Этнографический музей кацкарей на протяжении многих лет стабильный; вот и в 2011 году в деревню Мартыново, где он расположен, приехало 640 туристических автобусов. Число посетителей – 21385 человек: 14496 взрослых и 6889 детей. За год работники музея провели 1769 экскурсий, 640 музейных программ и 47 других мероприятий. Для кацкарей, как и прежде, вход бесплатный, и в прошлом году этой возможностью воспользовалось 918 человек.

Но не туризмом единым живёт Этнографический музей кацкарей. Здесь, говоря профессиональным языком, ведётся ежедневная и кропотливая работа по сбору, учёту и хранению вещественных и невещественных памятников кацкой культуры. Чтобы не затерялась о нас, кацкарях, память в веках...

ВАНДАЛИЗМ: БЕСПРЕДЕЛ «ЧЁРНЫХ КОПАТЕЛЕЙ»

Кацкие места старинные и к тому же широко известные, а потому к незнакомцам с металлоискателями кацкари давно уже привыкли. Уж что они находят в нашей земле, Бог весть – говорят, чуть ли не серебряные «чешуйки» (так археологи называют средневековые монеты за их неровную форму)! Впрочем, некоторые из них своими находками делятся с Этнографическим музеем кацкарей, рассказывая, что и откуда – это в основном металлические монеты, нательные кресты, иконки, медали из Николо-Топора, Овдеева, Хороброва. Подобное искательство, конечно же, незаконно, но все как-то смирились с ним – у археологов-профессионалов до наших мест руки уж точно не дойдут.

Но вот «археологические раскопки» прошлой осени возмутили. В нежилых селе Хороброве, деревнях Дьяконове, Труфанове, Тишаеве, Богавлинке, сельце Кочурове для удобства поисков был снят грунт. Сделано это было дизелем, который, как показали следы, пригнали откуда-то из Тверской области. Мрачную картину теперь представляют эти селения: вместо привычной зелени красная глина да чёрная земля. Физическое ощущение поруганной, никому не нужной Родины...

РОЖДЕСТВЕНО

ЗАКРЫЛИ МОЛОКОПРИЁМНЫЙ ПУНКТ. 15 марта 2012 года Угличский сырзавод закрыл принадлежащий ему Рождественский молокоприёмный пункт. Под сокращение попали четыре работника: мастер Галина Николаевна Копкова, лаборант Людмила Ивановна Калягина и машинисты холодильной установки, а в отопительный сезон и кочегары Василий Вячеславович Афанасьев и Сергей Николаевич Сухов. Молоко в последнее время сюда возили шесть хозяйств, в том числе и наши кацкие СПК «Искра» и «Верный путь». Теперь же за ним приезжает молоковоз с сырзавода, а в Кацком стане стало меньше ещё на одно предприятие.

МАРТЫНОВО

СГОРЕЛ ЖИЛОЙ ДОМ. О пожаре, случившемся в деревне в ночь на 30 мая, до сих пор много разговоров – сгорел дом Монаховых, людей известных: Николай Фёдорович – председатель здешнего СПК «Верный путь», Надежда Константиновна много лет возглавляла отдел Мартыновской сельской территории. Официальной версии трагедии, как кажется, до сих пор нет; люди уверены, что это поджог. Слишком быстро всё произошло, и когда подъехала пожарная машина, горящая крыша уже провалилась в дом. Застройка в этой части Мартынова очень плотная, и если бы в деревне не было собственной пожарной части, трагедия была бы много большей: пожарные не только тушили пожар, но и отбивали от огня соседние здания.

ОРДИНО

ПОБЕДА ОБЛАСТНОГО МАСШТАБА. Весна для художественного руководителя Воронцовского Дома культуры Людмилы Ямилевны Журавлёвой началась с премии главы Угличского муниципального района за заслуги в развитии культуры и искусства – её наша землячка получила среди прочих организаторов межмуниципального фестиваля «По векам истории», ежегодно проходящего в Нижней Кадке в начале сентября. А потом было участие в областном смотре-конкурсе профессионального мастерства специалистов культурно-досуговых учреждений «Мастер культурного досуга». Людмила Ямилевна обошла десять претендентов из восьми районов Ярославской области и получила диплом 1-ой степени.

(По сообщениям с мест)

Мысли по поводу 20-летия «КЛ»

«Кацкая летопись» и заволосные

*«Ну что, читатель, – каково? Надеемся, вы не только старым русским языком наслаждались, но и за сутью следили...»
(«КЛ», № 7-8 (90-91), июль-август 1999 года, стр. 6).*

И наслаждались, и следили. Понятно, когда взхлёб читается эта газета-журнал кацкарями или теми, кто судьбой оторван физически от своих кацких корней, что удивительно точно выражено в стихотворении Галины Арцыховской из Санкт-Петербурга о реке Кадке:

*Пусть нет величия в тебе,
Как в Волге-матушке реке,
Но ты близка и дорога своей родне!¹⁾*

Но что же мы-то, «заволосные», не имеющие таких корней, нашли в «Кацкой летописи»? Почему я храню не только все номера, но даже конверты от них и приглашения на Кацкие чтения?

Прежде всего – это *чувство подлинной, вечной основы*, которое возникает не только при чтении в «Кацкой летописи» исторических исследований, философских размышлений или рассказа о чьей-то достойной или восхищения судьбе, но и от маленькой заметки о дне сегодняшнем: урожае, юбилее, свадьбе, рождении детей и возвращении из армии, похоронах или выходе на работу из декретного отпуска, экзаменах или родной околице да *одвориче...*

Почему же сиюминутное становится вечным? Наверное, как заметила Ирина Хоновна Шихваргер – тоже «заволосный» читатель «Кацкой летописи» – это оттого, что восстановление оборванной в очередной раз связи времён происходит в нашей газете на вечной основе взаимоотношения человека с землёй, с природой, на крестьянской основе, и потому там заложены вечные чувства. Любовь – вечное чувство, а актуальность («злободневность») – мняется.

В прессе давно уже принято в «зlobe дня» видеть только её прямое значение, то есть *злобу*. А в «Кацкой летописи», которая пишется ради любви к родной земле и к каждому человеку, живущему на ней, даже большие, трагические сюжеты не вызывают этого чувства. «Великая несправедливость», как названа одна из рубрик газеты, позволяет говорить с каждым читателем о подлинном величии физически уничтоженного человека или дела его рук, деревни, дома, храма. Получается, что, действительно, как в русской поговорке – «на миру и смерть крас-

на». И этот «мир» – газета. Побеждает добрый взгляд, а не ненависть, пускай оправданная в том или ином конкретном случае. «Чтение «Кацкой летописи» можно назначать в качестве лекарства от депрессии», – слышала я неоднократно от Ирины Хоновны.

В самом деле, даже такой, казалось бы, незначительный факт, как публикация детских сочинений, сопровождаемая указанием на то, что авторы подростки (например, пометка к сочинению Ольги Беляковой «Как училась моя мама» в июньском номере «КЛ» за 1997 год²⁾: «8 класс (уже 9-й)»), говорит о сердечной, душевной связи газеты не с «массой», а с каждым отдельным человеком.

Такой подход творит удивительные вещи: одни и те же сюжеты могут быть развёрнуты в захватывающе интересные исследования о Тютчевых, Сухово-Кобылиных, об апраксинском барине Башмакове и многих других, их быте и бытии в Кацких краях в разделе «Кацкий стан помещичий», а могут, учитывая малолетство читателя-кацкаря, – свернуться в погудку «Про барина», рассказанную Антониной Ивановной Розовой из деревни Нефина.

*Баю-баюшки-баю,
Я те песенку спою;
Живёт барин на краю.
У него много робят –
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляную едят.
Каша масляная,
Ложка крашеная.³⁾*

Счастливо, оказывается, жил барин! Попутно юные читатели усва-

ивают, что, наряду с «погудками», которые можно спеть кукле, есть ещё и «прибайки» – путеводная ниточка в глубину истории и культуры, когда ты оказываешься не только в центре кацкого мира, но и в центре Вселенной, и все миры кругами расходятся именно от той точки, где ты стоишь. «Ой, не простая прибаечка!»⁴⁾, говоря словами С.Н. Темняткина, например, «Палочка-комулялочка», в которой пелка на войну ушла, записанная в Мартынове Серёжей Воробьёвым от его прабабушки Варвары Семёновны Соколовой.

*– Палочка-комулялочка,
Кого пасла?
– Лошадей пасла.
– Кого вытасла?
– Жеребёночка.
– Где жеребёночек?
– Филька унёс.
– Где Филька?
– В клетку ушёл.
– Где клетка?
– Водой унесло.
– Где вода?
– Бычки вытили.
– Где бычки?
– По горам ушли.
– Где горы?
– Цветам заросли.
– Где цветы?
– Девки выщипали.
– Где девки?
– По замужьям ушли.
– Где ихние могилы?
– Травой заросли.
– Где трава?
– Коса выкосила.
– Где коса?
– На жёрздохке.
– А где жёрздохка?
– В печке сожжена.
– А где печка?
– На войну ушла!⁵⁾*

И вот заинтригованный читатель, уже не только юный, но и взрослый, как давно ожидаемую сладость, как пир души воспринимает статью Сергея Николаевича Темняткина «Пошто зарезали гуленьку? (Или о чём рассказала кацкая прибайка)»⁶⁾ – о другой прибайке, но тропка-то протоптана... Кацкая страна вообще оказывается на удивление богата культурными тропками, дорожками, трактками и

даже проспектами, создаваемыми «Кацкой летописью» с помощью учебников по *кацковедению*, напечатанных на её страницах. И генеральным «экскурсоводом» по этим хоженным и нехоженным дорогам стал «Великий, могучий кацкий язык». Удивительно, что я, заволосная, с его помощью тоже лагаю провалы в своих, воцажниковских⁷⁾, знаниях. Если слово *кока* я знала, как и слово *шафер*, то парные к ним *кокой* и *шаферица* – узнала только из «КЛ».

Добрый юмор, с которым «малое», с точки зрения дальних столиц, подаётся как грандиозное, позволяет с открытым улыбкой сердцем шагнуть ему навстречу и ошарашенно понять, что это «малое» и впрямь великое; тем более что в Кацком стане тоже есть свои столицы. И уже не удивляет, что § 7 в «Географическом краеведении»⁸⁾ называется «Упадок Хоробровии», а в рубрике «Как это было?» публикуется статья В.А. Гречухина «Хроника великого кацкостроя»⁹⁾. Кстати, юмор в «Кацкой летописи» – это отнюдь не только популярнейшая рубрика «У Бабы-Мани»; он-таки буквально пронизывает ткань текста этого издания, делая его жизнестойким, по особому очеловеченным, не скатываясь к зубоскальству и к тому, о чём сказано: «Ради красного словца не пожалет ни матери, ни отца».

А уж об отцах, матерях, дядях и тётках, бабушках, дедушках и даже прапрапрапрадедушках написано авторами и дополнено читателями столько, что, кажется, пора начать повторяться. Но этого, к удивлению, не происходит, потому что живущие на виду крестьянского мира кацкари – яркие индивидуальности, и «Кацкая летопись» даёт им простор и сцену для самовыражения. Недаром именно из газеты выросла книга «Моя Кацкая Русь» С.Н. Темняткина¹⁰⁾.

Талантливая газета инициирует творческие способности своих читателей, переписка с ними есть некое совместное творчество, развивающее обе стороны. Скажем, увлекает богатейший материал по мифологии и истории Кадки, преобразжённый ярким пером редкого сказителя – того же С.Н. Темняткина. Но не оставляет равнодушным и воспоминание Юрия Михайловича Богданова из Москвы, уроженца деревни Муханова, в рубрике «Читатель о сокровенном»: *Любил я читать книги и, как говорили, зачитывался. Очень интересно я читал – было моей читальной комнатой ... дно Кадки! ...А конкретнее – дно омута! Это осенью воды в реке много, но зимой, в сильные морозы, вода частью замерзала, а осталь-*

ное уходило в землю. Подо льдом было красиво, тихо и ...сухо! Я делал прорубь, натаскивал соломы; была у меня и керосиновая мигалушка – никто не знал о моём пребывании!»¹¹⁾

«Кацкая летопись» заставила взяться за перо и душевно, я бы сказала *поэтически*, «развернуться» на своих страницах не только таких признанных мастеров яркого слова, как Владимир Александрович Гречухин, Татьяна Анатольевна Третьякова или Павел Николаевич Голосов, но открыла и совсем новые достойные литературные имена, которые, не будь газеты, может, и не подозревали бы, на что они способны. Здесь хочется назвать прежде всего Софию Кузьмовну Шершнёву-Иванову из Углича с её дивными воспоминаниями «Милое-милое Юрьевское» в рубрике «Я покону кацко-го»¹²⁾.

Когда «Кацкая летопись» стала журналом, появилась возможность не только публиковать такие развёрнутые материалы с продольными, даже создавать целые отдельные книги журнального формата, как, например, книга стихов Павла Николаевича Голосова, но и делать их иллюстрированными! На обложках явились нам потрясающие кацкие пейзажи и сцены из жизни кацкарей, а то, что изображения чёрно-белые, только добавило им выразительности: не случайно ведь выдающиеся мастера фотографии и ныне переводят свои цветные снимки в чёрно-белый формат для того, чтобы звенела в них некая музыкаль-

ная, поэтическая нота.

Но *особое спасибо* журналу за коллективные фотографии на третьей странице обложки с рассказом о каждом, кто на них изображён!¹³⁾ Мы, «заволосные», полюбили этих людей, как своих родственников. Старые фотографии есть в любом семейном архиве, но они молчат! В документальных книгах по истории на больших (да и не очень больших) снимках называется, как правило, только какой-то известный человек, который «второй справа» или «третий слева», а остальные, если даже, в редких случаях, и названы, остаются вне биографии и имени, потому что инициалы именем не являются.

А знаете ли, какое самое сильное впечатление у «заволосных» от Кацких чтений прошлых лет, проходивших ещё в Мартыновской школе? Когда присутствовавшим представляли *каждого* из, нередко более чем ста, прибывших на чтения, причём начиная с дальних деревень, а не с официальных почётных гостей. Вот тогда-то героев и авторов публикации можно было увидеть живьём; как и услышать те самые прекрасные старинные песни, которые собрала и собирает «Кацкая летопись». И поражало, что школьники выдерживали всю конференцию, оставаясь заинтересованными и включёнными в общий праздник научной встречи. Кстати сказать, «Кацкая летопись» неуклонно, с самого начала, давала список литературы к своим публикациям в каждом номере, чтобы было куда развиваться читателям, от чего моё сердце

Директор Мартыновского сельского Дома культуры и в 1990-е годы постоянный автор «КЛ» Александра Борисовна Дорофеева (стоит в тёмном платке крайняя справа) в гостях у доярок Мартыновской фермы (слева направо): Надежды Фёдоровны Чадиной, Валентины Васильевны Меховой, Натальи Александровны Колчиной, Екатерины Сергеевны Карасёвой, Веры Васильевны Туркиной и Ольги Васильевны Беляковой. В ту пору выход на фермы был востребованной формой культурно-массовой работы. 8 февраля 2001 года.

Снимок из архива Мартыновской библиотеки

каждый раз тает и поминает добрым словом одного из первых трёх «китов» редакции газеты – библиотекаря Лидию Ивановну Чуракову.

«Кацкая летопись» умеет великолепно развивать ассоциативное мышление и чувствование не только у кацкарей, но и у «заволосных». Взять, хотя бы, рассказ «Яишенка, да на заслоночке!» директора Дома культуры в Мартынове Александры Борисовны Дорофеевой. Сначала поразишься такой, например, экзотикой, как: *«В клубах гуляли в то время с лампами: электричество появилось только в 1961 году. А кино уже было. Крутили руками. Вот соберут у нескольких мальчишек шапки: открутил своё время – забирай головной убор; другой крутит. А шапки собирали, чтобы мальчишки не убежали – ведь их пропускали бесплатно. Билет в кино стоил 20 копеек»*¹⁴. И тут же вспомнишь кино в клубе – бывшей богадельне графа Шереметева – своего Вошажникова, где руками не крутили, но из будки, по знакомству, тоже можно было фильм бесплатно посмотреть. Дневной сеанс стоил 5 копеек, лучшим рядом у малышни считался первый, а однажды нам, маленьким, даже показали по ошибке иностранного фильм «Милый друг», по Мопассану, постельные сцены из которого запомнились на всю жизнь.

Ассоциации от статьи продолжают раскручиваться вглубь, и уже вспоминаешь загадочную почтовую открытку из Вошажникова начала XX века, обращённую к находившемуся «на отходе» в Гатчине Косте Титову¹⁵, младшему брату мого дедушки Ивана Николаевича. Юная девушка пишет старательным мелким почерком о танцевальном вечере в нанятом вскладчину молодёжью помещении и как там не хва-

тало Кости, заканчивая своё письмо нарочито «приличным», трепетным *«Жму руку. Вера»*. Ведь вот же, в «Яишенке...», подробное описание именно такого вечера, *биседы*, – и как всё ожило!

Ассоциации при чтении «Кацкой летописи» уводят и в глубоко научные сферы. Ладно бы от таких публикаций, как из рубрик «Приходы Кацкого стана» или «Угличские писцовые книги XVII века», или от «Летописи церкви села Никольского, что на Топоре, Мышкинского уезда» – так ведь не только! Вот рубрика «Старинная песня». Она началась в «Кацкой летописи» с публикаций отнюдь не повседневных, какие поются всеми, а явственно индивидуальных, цепляющих какие-то глубинные струны в душе, необыкновенно красивых песен, которые исполняла Мария Васильевна Киселёва (она же Крюкова, Голосова) из деревни Дьяконова. Она умерла 19 декабря 1996 года в Угличе, на девятом десятке лет, а песни остались, как и память о том, что её заставляли петь даже на работе:

«– Тётка Маня, дак ты пой! – просили её на сенокосе.

– Немогу уж я, бабы, петь и работат – задыхаюсь!

– А ты пой, мы за тебя заскирдуюм!

*И бабы скирдовали, а Мария пела. И мужики затихали. Все слушали. И плакали...»*¹⁶

Эти её песни, и то, что она сразу же признала представителя газеты, хотя видела его до того ещё мальчиком: «Ой, Серёжа...»; и то, как она выглядела; и то, что на просьбу спеть ответила: «Обожди, я вздумаю!», живо напомнило мне книгу всемирно известного психоаналитика, доктора философии Клариссы Пинколы Эстес «Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказани-

ях»¹⁷), переведённую более чем на 25 языков. Она писалась 20 лет, начиная с 1971 года, и автор вложила в неё свой многолетний удачный опыт возвращения сломанных, измученных, уставших и безмерно одиноких женщин к полноценной творческой жизни.

Книга рассказывает о том, что внутри каждой женщины живёт первозданное, естественное существо, инстинктивная природа которого полна сострадательной созидательности и извечной мудрости, но в нынешнем обществе это существо находится на грани вымирания. Женщина не творит, как могла бы творить, не ощущает гармонии, не чувствует глубинных корней, сделавших бы её мудрой. Но здоровая, инстинктивная, ясновидящая, исцеляющая архитипическая Женщина живёт полнокровной жизнью в древних мифах и сказках. И, постигнув уроки этих сказаний, современная женщина снова может ощутить её в себе. Среди таких сказок и «Синья борода», и «Красные башмачки», и «Тюленья шкура», и «Девочка со спичками», и уроки нашей Василисы Премудрой, отправляющейся к Бабе-Яге с материнской куклой в кармане.

Одна из архитипических сказок – La Loba, женщина-волчица. *«Есть старая женщина, обитающая в тайном месте, которое каждая из нас знает в своей душе, но мало кто видел воочию. Как и старухи из сказок Восточной Европы, она дожидается, когда к ней придёт сбившийся с пути скиталец или искатель»*.

Она осторожна, часто волосата, всегда толста и, как правило, старается уклониться от общения. Она каркает и кудахчет – обычно издаёт звуки, большие похожие на звериные, чем на человеческие...

Единственная работа La Loba – собирать кости. Она собирает и хранит главным образом то, чему угрожает опасность стать потерянными для мира. Её пещера набита костями всевозможных пустынных тварей: оленей, гремучих змей, ворон. Но специализируется она на волках».

Она лазает, ползает, иньряет по горам и сухим руслам рек, в поисках волчьих костей, а когда соберёт весь скелет, когда последняя косточка встанет на место и перед ней ляжет прекрасная белая скульптура зверя, она садится у огня и думает о том, какую песню спеть».

А когда решит, встаёт над зверем, вздымает над ним руки и заводит песню. И тогда волчьи рёбра и кости лап начинают обра-

Заведующая Мартыновской библиотекой и постоянный автор «КЛ» Лидия Ивановна Чуракова, как всегда, среди книг и цветов. 28 августа 1997 года.

Снимок из собрания Этнографического музея кацкарей

тать плотью, и зверь покрывается шерстью. La Loba продолжает песню, и зверь всё больше походит на живого; его хвост загибается вверх, сильный и мохнатый.

La Loba поёт дальше, и волк начинает дышать.

А La Loba всё поёт, так, что гладь пустыни сотрясается, она поёт – и волк открывает глаза, вскакивает и убегает вниз по каньону.

Он бежит себе где-то, и вот толи стремительный бег, толи плеск реки, которую он пересекает, толи луч солнца или луны, упавший прямо на него, внезапно превращает волка в смеющуюся женщину, которая свободно бежит к горизонту».¹⁸⁾

Это сказка о воскресении. Оказывается, если мы споём песню, то сможем вызвать то, что осталось в психике от первозданной души и поможем ей снова обрести живой облик, обрасти плотью. Помните русскую поговорку: *Были бы кости – мясо нарастёт?* Она об этой возможности. В мифе и сказке кости символизируют неразрушимую душу-дух. В самом деле, их нелегко уничтожить – трудно сжечь, стереть в порошок.

«Мы знаем, – пишет исследовательница, – что душу-дух можно повредить, даже искалечить, но почти невозможно убить. Душу можно смять и согнуть. Можно покрывать ранами и шрамами. Можно оставить на ней метки болезни и ожоги страха. Но она не умирает, потому что... её охраняет La Loba...»

У нас внутри кости-ключи к тому, чтобы изменить себя и свой мир. У нас внутри дыхание, наши истины и наши стремления, и, вместе взятые, они образуют песнь, гимн творения, который мы так страстно желаем спеть».¹⁹⁾

Итак, La Loba – Мария Васильевна Киселёва, как и многие-многие другие – соединяет кости в единое целое, поёт, воскрешает, а «Кацкая летопись» собирает, публикует, разносит эту воскрешающую жизнь-песню по всей Кацке и дальше, дальше, пока она не коснётся чьей-то души.

«Изливая душу, мы возрождаем. Мы уже... не хрупкое, разваливающееся создание. Нет, мы на стадии преображения».²⁰⁾

Позвольте мне согласиться с этими словами Клариссы Пинколы Эстес, но закончить я хочу, обратившись к кацкой частушке, которая, говоря словами С.Н. Темняткина, что *маленький роман*, и потому способна выразить всё, в том числе и настроение моего сегодняшнего доклада, подошедшего к завершению. Вот как бы об этом спела Ан-

Это было недавно, это было давно: автор статьи Светлана Николаевна Левагина и редактор «КЛ» Сергей Николаевич Темняткин в Опочининской библиотеке города Мышкина. 1997 год.

Снимок из семейного архива С.Н. Левагиной (г. Ярославль)

тонина Павловна Разумовская из деревни Киндякова:

*Я сегодня в радостях:
Была у милого в гостях!
Безо всякого смеху –
Меня считали за сноху!*

*Давай, милый, расставайся,
Стало холодно гулять:
Расцветут цветы в июне –
Повторим любовь опять».²¹⁾*

Светлана Николаевна Левагина,
Областная юношеская библиотека
имени А.А. Суркова,
г. Ярославль

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ Арцыховская Г.Б. «Кадка – мая родня» // «КЛ» № 5-6 (108-109), лето 2001 года, стр. 3.

²⁾ Белякова О. «Как училась моя мама» // «КЛ» № 11-12 (71-72), июнь 1997 года, стр. 4.

³⁾ «Про барина» // «КЛ» № 1-2 (114-115), январь-февраль 2002 года, стр. 15.

⁴⁾ «Палочка-комулялочка» // «КЛ» № 1 (81), июль 1998 года, стр. 2.

⁵⁾ Там же, стр. 2.

⁶⁾ Темняткин С.Н. «Пошто зарезали гуленьку? Или о чём рассказала кацкая прибайка» // «КЛ» № 2 (123), весна 2003 года, стр. 6-8.

⁷⁾ Моя родина – село Воцажничково Борисоглебского района Ярославской области, ранее относившееся к Ростовскому уезду Ярославской губернии (СЛ).

⁸⁾ «Географическое краеведение. § 8 «Упадок Хоробровии» // «КЛ» № 11-12 (71-72), июнь 1997 года, стр. 1-2.

⁹⁾ Гречухин В.А. «Хроника великого кацкостроя» // «КЛ» № 4 (125), осень 2003 года, стр. 10-13.

¹⁰⁾ Темняткин С.Н. «Моя Кацкая Русь: люди, предания, обычаи, верования западных земель Ярославского края, Ярославль, издательство Александра Рутмана, 2003 г.

¹¹⁾ Богданов Ю.М. «Мать говорила, что Кадка священна...» // «КЛ», № 1-2 (104-105), январь-февраль 2001 года, стр. 4.

¹²⁾ Шершнёва-Иванова С.К. «Милое-милое Юрьевское» // «КЛ», № 4 (143), осень 2007 года; №№ 1-4 (144-147), зима-осень 2008 года; №№ 1-3 (148-149), зима-лето и № 5 (152), осень 2009 года.

¹³⁾ Пыталась эту форму применить и газета, ещё в 1990-е годы (например, статья о старой фотографии «Левцовцы» С.Н. Темняткина в «КЛ» № 7 (14), август 1994 года, стр. 2), но уж больно нечёткие, «слепые» получались фотографии на газетной бумаге.

¹⁴⁾ Дорощеева А.Б. «Яишенка, да на заслоночке» // «КЛ», № 5-6 (88-89), май-июнь 1999 года, стр. 10-11.

¹⁵⁾ Костя умер от какой-то болезни там, в Гатчине, не дожив до двадцати лет.

¹⁶⁾ Темняткин С.Н. «Умерла Мария Киселёва» // «КЛ», № 13-14 (73-74), июль 1997 года, стр. 4.

¹⁷⁾ Эстес Кларисса Пинкола «Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях», перевод с английского Т. Науменко, Москва, «София», 2007 г.

¹⁸⁾ Там же, стр. 36-37.

¹⁹⁾ Там же, стр. 44.

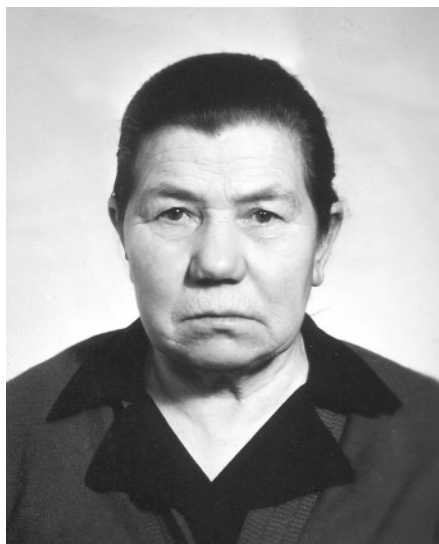
²⁰⁾ Там же, стр. 45-46.

²¹⁾ Разумовская А.П. «Меня милый провожал...» // «КЛ» № 1-2 (104-105), январь-февраль 2001 года, стр. 10.

Памяти земляка

Умерла Мария Киселёва

Статья-размышление С.Н. Левагиной «Кацкая летопись» и заволосные» (см. стр. 6-9 этого номера) заставила вспомнить многое и многих. В частности, великую кацкую исполнительницу Марию Васильевну Киселёву, чьи голос и манеру исполнения всё никак не могут позабыть кацкари. «КЛ» писала о ней давным-давно: тогда, когда распространялась на одной только Мартыновской сельской территории и была «слепой» – без фотографий. Что ж, а давайте позволим себе перепечатку старинного материала! Давайте вспомним ещё раз выдающегося своего земляка...

Мария Васильевна Киселёва. г. Углич, 1980-е годы.

Снимок Тамары Александровны Чесноковой, г. Углич

– У замка на горной вершине
Старинная липа стоит;
Густыми большими ветвями,
Качаясь под ветром, шумит,
– нараспев диктовала Мария Васильевна, а я записывал.

... Под липою камень широкий,
Он там... Он там... Ай-ай-ай, забыла!
Ведь я знала да забыла, памяти совсем не стало, – закручинилась старушка, а я успокаивал:
– Да ничего, Мария Васильевна, ничего. В следующий раз вспомните...

Но следующего раза не стало.

Новости медленно доходят до Кацкого стана, и только спустя полгода мы узнали, что 19 декабря 1996 года в городе Угличе на девятом десятке лет скончалась выдающаяся кацкая певунья Мария Васильевна Киселёва. С её творчества, собственно говоря, и началась журнальная рубрика – «Старинная песня». В 1995 году три её песни принесла наша читательница из Парфёнова Зинаида Дмитриевна Тихомирова. Мы их тут же опубликовали: «Брак

поневоле» (№ 2-3, февраль), «Сон монашины» (№ 4-5, март), «Измена» (№ 6-7, апрель).

А потом была встреча с самой исполнительницей. Я отыскал её в деревянном домике на угличской окраине – на стук вышла полная невысокая круглолицая женщина. «Ой, Серёжа!» – сразу же признала она меня, хотя уехала из наших мест лет двадцать тому назад, не меньше. Оказалось, мы не просто земляки, но и родня: «Мой-то дед твоему прадеду родной брат».

Родилась она в Хороброве в большущей семье Ивана Герасимова Крюкова.

– Нас у матери девять человек было. Поставил отец новой дом, надо бы его заселять, а уж старухи со всего сёла собрались: «Кого перьвого в дом-от!?» Примета была такая: хто перьвой в дом взойдёт – тот помрёт. А мать ростерялась – кого выбрать? «Да суньтё Сосьню, – отмахнулась она, – Сосьня у нас четвёртая... Детьей-то девять человек – не жаль... А вышло так, что сестра Соня последняя и доживала в родительском доме.

А жизнь как слеза: скатилась и высохла. И что там было – пиши не пиши – не воротится. Где-то за страшной далью лет остался её первый муж, погибший в Отечественную войну, Саша Голосов. Отчаянный – звали его хоробровские за удаль и смелость. Со вторым мужем – Андреем Киселёвым – жила в соседнем Дьяконове. Потому-то разные люди и запомнили её под разными фамилиями: для кого-то она осталась Крюковой, для кого – Голосовой, а кому – и Киселёва.

А пела... пела всегда! Сначала в церковном хоре, а потом с бабами на складчинах. И на работе пела.

– Тётка Маня, дак ты пой! – просили её на сенокосе.

– Не могу уж я, бабы, петь и ро-

бóтать – задыхаюсь!

– А ты пой, мы за тебя заскирдуюм!

И бабы скирдовали, а Мария пела. И мужики затихали. Все слушали. И плакали... Со времён церковного хора Мария Васильевна запомнила, как называется её голос: первый дискант.

... На просьбу спеть что-нибудь сейчас Мария Васильевна ответила: «Обожди, я вздумаю!» И начала своим густым, высоко поставленным голосом:

– На паперти Божьего храма
Оборванный нищий стоит,
Он видит, какая-то дама
Роскошно одета на вид.
Из церкви выходит та дама,
Отец дочь родную узнал:
«Я нищий, отцу Христа ради,
Поддай, дочь родная на хлеб!»
«Ты мне не отец, а бродяга,
Уйди же, уйди скорей прочь!» –
Притворно она засмеялась,
Поспешно сбежала с крыльца,
Коляска проворно умчалась,
Забрызгало грязью отца...

– Последний куплет я не знаю. Забыла. В общем, «нищая братья вся склонилась над ним».

– Ну ничего, – опять успокоил я её, – в следующий раз вспомните!

Но следующего раза не стало...

Сергей Темняткин,
«Кацкая летопись», № 13-14
(73-74), июль 1997 года

На Родине Марии Васильевны расцвели ромашки...

Снимок Ольги Алексеевны Перовой,
д. Мартыново, 2012 год

Старинная песня

У замка на горной вершине...

Эх, вспоминать, так вспоминать! Не сразу, но «КЛ» узнала, что Мария Васильевна Киселёва на склоне лет своих любимейшие ею песни решила записать в тетрадь. И вот – тетрадь жива: её сберегла племянница и крестница певицы Тамара Александровна Чеснокова. В той тетради отыскалась и «У замка на горной вершине...», которую мы и публикуем сейчас.

1. У замка на горной вершине
Старинная липа стоит –
Густыми большими ветвями,
Качаясь под ветром, шумит.

2. Под липою камень широкий
Давно приютился и мхом,
Порос, как седой пеленою,
И бури ему нипочём.

3. На камне уснула девица –
Тяжёлый томительный сон –
Ей граф молодой полюбился,
И губит красавицу он.

4. В далёкую землю уехал –
Послала сражаться война;
Последний раз руку ей подал,
И плакала горько она.

5. Вот рыцарь-красавец
приехал,
Приехал на чёрном коне,
И девушке молвил: «Хочу я,
Чтоб стала женою ты мне!»

6. Она отвечает: «Женою
Твоею не сделаюсь я.
Уж разве тогда,
как засохнет
Зелёная липа моя!»

7. Зелёную липу он вырыл
При лунном мерцаньи
тайком;
Сухую вкопал осторожно
И мхом позасытал
кругом.

8. Наутро проснулась
девица:
Бьёт солнце в окошко –
теней
От липы на стёклах
не видно;
В глазах потемнело
у ней.

9. Она побежала и плачет,
Под деревом сидя, и вот

Опять появляется рыцарь,
И снова он в жёны зовёт!

10. Она отвечает, рыдая:
«Любви от меня ты не жди!»
Разгневался рыцарь любезный –
Кинжал очутился в груди!

11. Наутро и граф возвратился
И с горькою мукой любви
Смотрел, как бедняжка лежала
Под липой сухою в крови.

12. Глубокую яму он вырыл
Для милой невесты своей,
Зелёную липу нашёл он
И снова поставил над ней.

13. Под липою камень широкий –
Он там и поныне стоит;
Девица в блаженном покое
Под липой зелёной лежит.

В Хороброве любили петь. На престольный праздник Смоленскую собралась многочисленная родня. Мария Васильевна Киселёва стоит вторая справа. Левее – её второй муж Андрей Луканых. А три родные сестры сидят в первом ряду (слева направо): Анна Васильевна Шоличева, Полина Васильевна Крюкова и Софья Васильевна Гурылёва. Рядом присел сын Анны Васильевны – Борис Михайлович Шоличев. Стоят (слева направо): Валерий Кириллович Журавлёв с женою Надеждой Михайловной (сестрой Бориса Михайловича) и дочерью Татьяной, гость из Владышина Глеб Монахов, Зоя Васильевна Степанова (дочь Софьи Васильевны) с мужем Николаем Ивановичем. Последней стоит Людмила Шоличева (жена Бориса Михайловича). с. Хороброво, 10 августа 1961 года.

Снимок Анатолия Дмитриевича Виноградова
(г. Сестрорецк Ленинградской области)

Я покону кацкого

Щеглаковы – Тютчевские крестьяне

Люди порой с таким трудом выясняют историю предков (приходится писать в архивы, работать в читальных залах, специально приезжать, чтобы выяснить какие-то факты), а мне в этом плане повезло: я сама – работник архива. Документальных материалов здесь множество, часто необходимые сведения встречаются там, где их меньше всего ожидаешь найти. Так и я, работая над запросом по родословной одного семейства и просматривая метрические книги церкви села Знаменского начала XX-го века, наткнулась на запись о рождении своей бабушки – Валентины Александровны Щеглаковой.

Уже одна эта запись приоткрывала завесу той жизни, которая была до меня и которую я не знала. Нет, от мамы я, конечно, слышала, что её родные откуда-то с Нижней Кадки и что родилась моя бабушка 15 февраля 1918 года, но документов о её рождении в нашей семье не сохранилось. А тут перед глазами чётким убористым почерком священника Знаменской церкви записано, что 2 февраля (по старому стилю), у крестьянина Александра Петровича Щеглакова и его законной жены Анны Фёдоровны, проживавших на хуторе Троица, родилась дочь Валентина. Причём, самое интересное: случилось это не в 1918 году, как мы все считали, а в 1917-м.

Пользуясь подвернувшейся воз-

Бабушка Валентина Александровна Щеглакова – уроженка хутора Троицы Нижней Кадки. с. Судай Костромской области, 23 августа 1939 года.

Снимок из личного архива автора

можностью, я просмотрела всю книгу и нашла множество записей о представителях семьи Щеглаковых. Только одной книгой дело не ограничилось, появился азарт: отыскать больше сведений, узнать нечто новое и интересное; казалось (да и до сих пор кажется), что не найдено ещё что-то очень важное, таинственное, что позволит поининому взглянуть на историю моего рода...

Итак, моя бабушка Валентина Александровна и её братья и сестры (Зоя, Клавдия, Сергей и Василий) родились в крестьянской семье, жившей на собственном хуторе, а позднее в селе Знаменском. В документах этот хутор называется по-разному: хутор-выселка Троица, деревня Троицкая или посёлок Троицкий.

Там же родился 1 апреля 1896 года и был крещён в Знаменской церкви и мой прадед Александр Петрович Щеглаков. Он был женат вторым браком на Анне Фёдоровне Комаровой, родом из деревни Тимофеева, что в приходе села Ордина. Анна Фёдоровна Комарова родилась 24 ноября 1893 году в семье запасного рядового 148-го пехотного Каспийского полка Фёдора Ефимовича Комарова и его жены Марии Семёновны, в девичестве Горшковой.

Родителями моего прадеда Александра Петровича были крестьяне деревни Мелехова Пётр Данилович Щеглаков и его жена Анна Алексеевна, оба состоящие во втором браке. Анна Алексеевна родилась 3 декабря 1864 года в семье временно-обязанного крестьянина из деревни Никифорова Климатинской волости Алексея Ивановича (Лебедева) и его жены Домны Ивановны. От первого брака с Зиновией Кельси-

евной (умерла в 1893 году) у Петра уже были дети: Сергей (родился в 1881 году в Санкт-Петербурге), Анна (родилась в 1885 году), Пётр (1888 года рождения), Пелагея (1890 года рождения) и Василий (родился в 1893 году).

По переписным листам «Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи» 1897 года удалось установить, что Анна Алексеевна Щеглакова, вдова, из бывших владельческих (помещичьих) крестьян, проживала в посёлке Троицком, находящемся на собственной земле и держала хозяйство. В посёлке был всего один дом, в котором проживала она со своим сыном и детьми умершего мужа от первого брака. Муж её Пётр Данилович умер в 1895 году и не увидел своего последнего сына Александра.

Повзрослевшие пасынки Анны Алексеевны отделились от семьи в самостоятельные хозяйства. Сергей, женившись в 1900 году на крестьянке деревни Тимофеева Матроне Герасимовне Барановой, жил в деревне Мелехове. Пётр после прохождения военной службы, уволившись в запас в чине старшего унтер-офицера лейб-гвардии Преображенского полка, женился в 1913 году на крестьянке деревни Мелехова Зиновии Ивановне Калининой.

До 1896 года, судя по записям в метрических книгах, семья проживала в деревне Мелехове; когда они приобрели землю в собственность и обосновались в Троицком, предстоит выяснить. Судя по всему, земля была приобретена ещё Даниилом, поскольку во всех документах на распределение поземельного налога с землевладений, находящихся в Мышкинском уезде за разные годы (1898-й, 1905-й, 1910-й) – земля в количестве 61 десятины записана на Даниила Щеглакова. В состав этой 61 десятины входили: 1 десятина усадебной земли, 27 десятин пашни, 31 десятина покосной земли и 2 десятины леса.

Пётр Данилович Щеглаков был сыном бывших дворовых людей господ Тютчевых – Даниила Николаева Щеглакова и его жены Евдокии Корнилиевой (Болтуновой).

Автор исследования Ольга Геннадьевна Зайчикова в опустевшем доме господ Тютчевых. Здесь наверняка бывали и её предки... с. Знаменское, 9 октября 2008 года.

Снимок С. Темнятина, 2008 год

После отмены крепостного права его родители проживали в деревне Мелехове: отец – до 1883 года (он утонул в июне месяце этого года, было ему тогда 70 лет), мать – до 1877 года (скончалась от водяной болезни в возрасте 52-х лет).

Данило, или Даниил, и дворовая девица Евдокия обвенчались 7 октября 1845 года в Знаменской церкви. Жениху на тот момент было 27 лет, невесте – 18. До 1861-го года они неотлучно жили в Знаменском, находясь в услужении в поместье Губернского Секретаря Алексея Николаевича Тютчева. В 1846 году у них родилась дочь Анна, в 1848 году – сын Пётр, в 1850-м – Мария, в 1854-м – Настасья, в 1858-м – Серафима, которая в 1859-м году умерла.

Примечательным мне кажется тот факт, что в восприемниках при крещении моего прапрадеда – Петра Даниловича, а также его сестры Марии был сам помещик Алексей Николаевич Тютчев, а крёстным Анастасии – его сын Николай Алексеевич. Конечно, господа частенько бывали приглашены на крестины детей своих крестьян, а уж тем более дворовых и, возможно, это не такое знаменательное событие, но для истории отдельной семьи –

моей семьи – это весьма интересно и значительно.

Метрической записи о рождении моего прапрадеда Данилы Николаевича я пока не нашла. Возможно, он был уроженцем Нижней Кадки, а, может быть, родился в одном из других поместий Тютчевых.

Сомнения о месте его рождения возникли на основании сведений о его отце – Николае Фёдоровиче Щеглакове. По ревизским сказкам 1834 года за апрель-июль месяцы (8-ая ревизия) он значится как крестьянин деревни Мелехова.

В графах о прибытии-выбытии со времени последней ревизии записано: «переведён из Смоленской губернии Рославльского уезда села Троицкого Горенова тож в 1822 году», «переведён в 1830-м году Московской губернии Рузского уезда в село Побоище». Вместе с ним вписаны его сыновья Григорий и Агапий и дочь Аграфена. Старший сын – Данило по 8-ой ревизии записан как дворовый человек в деревне Мауриной Средней Кадки. Ему в то время было 17 лет, и жил он отдельно от всей семьи. В ревизской сказке 1834 года семейство числится крестьянским, но в метрических и исповедных книгах до этого года и после они записаны дворовыми в поместье в селе Знаменском.

В 1836 году Николай Фёдорович венчается вторым браком со вдовой Анной Семёновой. Детей от этого брака у них не было. О его первой жене известно пока только имя – Акилина Корниловна. Умер Николай Фёдорович в 1843 году в 68 лет от простуды.

В документах Мышкинского уездного Суда имеется копия Раздельного акта от 20 мая 1836 года движимого и недвижимого имущества после умершего Коллежского Советника Николая Николаевича Тютчева между его наследниками. Приведу небольшую выдержку из

этого документа:

«Губернскому Секретарю Алексею Николаеву сыну Тютчеву получить во владение... (в числе прочих)... Ярославской губернии Мышкинского уезда из деревни Мелехова крестьянина Николая Фёдоровича Щеглакова с детьми его сыновьями Григорьем, Агапием и дочерью Аграфёною».

* * *

Сведения, которые я нашла, интересны и важны для меня и моей семьи. Конечно, нужно ещё очень многое уточнить. Мало мы знаем об истории семьи в 20-30-е годы XX-го века. Случайно обнаружилось, что один из сводных братьев моего прадеда, Пётр Петрович Щеглаков, обвинялся в вооружённом восстании против советской власти в июле 1919 года. Подробности этого дела пока неизвестны. В 1920-е годы Пётр с семьёй проживал в деревне Алексине (умер около 1929 года). Трое его сыновей – Александр, Виктор и Павел – друг за другом ушли на фронт в 1940-м, 41-м и 42-м годах. В родную деревню они не вернулись.

Сергей Петрович Щеглаков с женой и детьми жили на высылке, называемом Поречье, который существовал в начале 1930-х годов. Судьба его семьи неизвестна. Александр Петрович с семьёй проживал в Знаменском (все его дети родились там) до начала 1930-х годов и, вероятно, после смерти матери в 1934 году сменил место жительства. Его сыновья, братья моей бабушки – Сергей и Василий Щеглаковы – погибли во время Великой Отечественной войны.

Невозможно передать словами чувства, которые возникают, когда, открывая старинные документы, находишь записи о людях, принадлежавших твоей семье. Иногда, пытаясь отыскать новые сведения о своих предках, безрезультатно просматриваешь огромное количество архивных дел. Очень хочется что-то найти, и отчаянно боишься, что не найдёшь. И часто бывает, что в последнем деле на последней странице ты находишь то, что отчаянно искал.

Те, кто занимался подобными поисками, меня поймут. А тем, кому это ещё предстоит, хочется пожелать испытать это волнующее чувство открытия и сопричастности к давно ушедшему.

Ольга Геннадьевна Зайчикова,
Угличский филиал
Государственного архива
Ярославской области (УГФ ГАЯО),
г. Углич

Переписка с читателями

Пальцево, и с ним Репин починок

В своей работе я использую «Кацкую летопись» постоянно. Спасибо! И вот вам моё задание: расскажите, пожалуйста, о Пальцево. Читатели очень интересуются.

*С уважением, Елена Евгеньевна Гусева,
заведующая Ординской библиотекой,
д. Воронцово, Нижняя Кадка*

Пальцево – бывшее сельцо, а теперь урочище на правом берегу Кадки между селом Ордином и деревней Широбоковым. Если идти от Ордина, надо перейти ручей Глинник, он же Голыхановский, и небольшой холм – не далее километра. К Широбокову же Пальцево примыкает почти вплотную.

Место это старинное, причём таковым его считали уже в XVII-ом веке. Да-да, в «Углицких писцовых книгах» 1628-1632 годов сведения о Пальцево размещены в разделе «В Кацком стану старья вотчины и купли»!

Цитируем: «За Иваном Тимофеевым сыном Вечесловым в вотчине, по приправочным книгам письма и меры князя Дмитрия Бельского со товарищи 1596-1597 годов, отца его вотчина, деревня Палцова на речке на Кадке, а в ней двор вотчинный». То есть уже в 1596-1597 годах Пальцево владел некий Иван Тимофеевич Вечеслов, и ему эта вотчина досталась от отца.

Что ещё можно узнать из «Углицких писцовых книг»? То, что в глухую старину где-то при Пальцево располагался починок Репин; «починок» – это новая деревушечка, выселок. К 1628-1632 годам Репин стал нежилым – пустошью, и более не возобновлялся. Ну а земли при Пальцево да при Репине писцы насчитали 105 четвертей (57,4 гектара): 18 четвертей (9,8 га) «пашни паханной», 27 четвертей (14,8 га) «перелогов» и 60 четвертей (32,8 га) «лесом поросло»; сена – 13 копён (1,4 га). Перелог – это пахотное место, оставленное на несколько лет для естественного восстановления плодородия почвы.

Далее и Пальцево, и его хозяева помещики Вечесловы, к сожалению, из документов исчезают: Вечесловы, как кажется, навсегда, а вот Пальцево – до конца XVIII-го столетия. Но, видимо, всё это время жило потихоньку, переходило из рук в руки, делилось между наследниками, и в «Алфавите о количестве душ по селениям Ярославской губернии» за 1797 год о нём аж пять записей. То

есть Пальцево было разделено на пять владельческих имений!

Давайте разбираться! Одной пятой частью сельца владела вдова-помещица Марья Васильевна Окорнова (за нею 2 крепостные мужские души и 4 женские), и пятой же – её родственники (уж не дети ли?) братья «прапорщик Александр и недоросли Богдан и Пётр Николаевы дети Окорковы» (за ними на троих 10 мужских душ и 5 женских). Ещё одна часть Пальцево принадлежала прапорщице-вдове Парасковье Ивановне Яцкой (за нею 5 мужских душ и 4 женских) и две части – подпорутчице Анне Михайловне Рогульской (12 душ мужских у неё и 15 женских). Да оно оказалось населённым, Пальцево-то: не считая помещиков, в нём проживало 57 человек дворовых!

Кстати, орфография того времени допускала различные варианты написаний: писали и «Палцово», и «Пальцево», и «Пальцево – всё это одно сельцо» (как «Окорновы» и «Окорковы» – одна фамилия). Ну а поскольку произносится это название неизменно с ударением на первом слоге, значит, происходит от некрестильного имени либо прозвища Палец – так могли назвать или взрослого низкорослого человека (помните, как в сказке «Мальчик с пальчик?»), или медленно растущего.

Из всех же владельцев Пальцево (дворян Вечесловых, Окорновых, Яцких, Рогульских) сообщить некоторые подробности возможно пока лишь о Рогульских. Род этот старинный; первый представитель его «иноземец Михайло Рогульский» переселился из Речи Посполитой в волость Кадку страшно давно – в конце XVI-го столетия. Жили-то Рогульские первоначально в сельце Гридине Николо-Топорского прихода, к концу XVIII-го века перебравшись в того же прихода Буйково, но им в разные времена принадлежали и Костенево Большое (Костево), и Скурятино (Юрятино), и Щербово, и вот, оказывается, часть Пальцево.

XIX-ый век счастлив тем, что сохранились того времени «Духовные росписи церкви села Ордина», в чьей приход Пальцево и входило – если оно было жилым, наверняка было бы учтено в документе. И верно, духовные росписи фиксируют две самостоятельные части Пальцево!

Одной из них не везло – менялись и хозяева (а впрочем, они жили не в Пальцево, а в каком-то другом имении), и дворовые. В 1821-1823 годах во владельцах там некий «господин Яцкий», в 1824-1827 годах – помещица «Ольга Петрова Васькова» (дочь что ли Яцкого-то?), в 1828-1829 годах – «порутчик Василий Петров Яцкий» (уж не брат ли Васьковой?); с 1830 года эта половина Пальцево нежилая.

Вторая половина Пальцево была стабильной, список дворовых по ней повторяется год от года. В 1821 году и далее здесь хозяином «господин титулярный советник Пётр Иванов сын Смирнов»; сам он в поместье бывал лишь наездами, но вот дворовых имел порядочно – 22 человека. В 1836 году они перешли дворянам Тресневским. Жили новые господа хоть и не в Пальцево, да неподалёку: в сельце Козлове Знаменского прихода – это вниз по Кадке через деревни Широбоково и Дягилево. Помещика звали «майор Василий Игнатьев сын Тресневский», супругу его – Варвара Сергеевна; было им по 46 лет, и жили они бездетно.

В 1846 году В.И. Тресневский надумал межеваться, и, представьте себе, «геометрический специальный план второй части сельца Пальцево с пустошью Репином почином» сохранился! На нём 45 десятин 652 квадратные сажени пашенной земли, 7 десятин 1024 квадратные сажени сенокоса, 2 десятины 924 квадратные сажени под поселением, огородами и огуменниками, 930 квадратных сажени под просёлочной дорожкой и 1 десятина 600 квадратных сажени под рекою Кадкою.

Ещё одно любопытное наблюдение можно сделать, рассматривая тот план. В описании смежных земель упомянуты и часть № 1 Пальцево (та, что ближе к Широбокову), и часть № 3 (та, что к Ордину) – ведь Тресневский-то владел только серединой, № 2, частью сельца. Так, вот – в это сразу и не верится, но часть № 3 Пальцево в своё время выкупил «казённый крестьянин села Ордина

Иев Петров!»! Документы 1907 года поддакивают: часть № 3 Пальцева за ординским крестьянином Герасимом Андреевым Чекушкиным, видимо, потомком Иевы Петрова.

Владельцы части № 1 Пальцева – «экономической Боковской волости Ординской вотчины деревни Широбокова крестьяне: Иол Павлов, Михаил Егоров, Никифор Егоров, Иван Никифоров, Тимофей Михайлов, Мария Матвеева и Яким Фёдоров». Они же, вернее, двенадцать человек их потомков, владели этой частью Пальцева и в 1907 году. Вот тебе и царская Россия, вот тебе крестьяне – у дворян поместья покупают! Жаль, неизвестны их фамилии; «Павлов», «Егоров», «Никифоров» и далее по списку – это старинная форма отчества.

Но вернёмся к серединной части № 2, долее других оставшейся помещицей. В 1848-ом В.И. Тресневскому унаследовала некая Ольга Сер-

геевна Серединская, которая в тот же год по какой-то неизвестной теперь причине доставшее ей сельцо решила сселить. Вот они, последние жители Пальцева: «Дворовые Пётр и Григорей Семёновы; Григорей жена Ульяна Васильева, дети их Пелагея и Елизавета; Петра жена Неонила Власова, дети их Никифор, Агриппена, Васса, Симеон, Капитон и Ефим. Фёдор Яковлев – вдов; дети его Никифор и Павел; жена Павла Васса Кондратова, дочь их Матрона; Никифорова жена Стефанида Карпова, дети их Марья-вдова, Матрона, Лев, Лаврентей, Дмитрий; Никифору племянница девица Елена Афонасьева. Фёдор Прокофьев, жена его Марфа Васильева; зять их Мокей Иванов, жена его Фёкла Григорьева, сын их Григорей; своячиха Мокою солдатка Марфа Васильева».

Итак, с 1848 года Пальцево нежилое, но на карту Менде 1855-1857 годов всё ещё нанесены и тамошные

строения, и тамошные огороды. Значит, не сразу осталось без примотра. Ну а выкупило часть № 2 этого сельца «товарищество крестьян деревни Широбоковой в числе четырёх человек». В 1907 году от них обособилась широбоковская крестьянка Неонила Сергеева Лебедева – ей намерили 18,2 десятины (то есть 19,9 га).

И нежилым Пальцево долго-долго служило людям. В Пальцевский лес ездили за хворостом (рубить деревья там запрещалось), бегали за ягодами да за грибами – говорят, много было боровиков, да и белые попадались. В 1919 году, во время Кацкого восстания против советской власти, в Пальцеве скрывались разбежавшиеся повстанцы. Старики вспоминают, что здесь и нечистая сила пошалавала: кого-то, бывало, водило, а кое-кто видел катящийся впереди лошади огромный шар.

Память о Пальцеве как о бывшем дворянском сельце у кацкарей сохранилась. Да и место, где стояли постройки, всё ещё можно найти: по ямам да по остаткам пруда, да по вековым вётам. Время от времени здесь пробуют что-то найти металлоискателем – сейчас это очень популярно. Только вот находят что, нет ли – о том «КЛ» не рассказывают...

Ваша «КЛ»

ИСТОЧНИКИ:

1. Липинский М.А. «Углицкая писцовая книга. Углицкий уезд в XVII веке», г. Ярославль, 1887-1888 гг.

2. «Алфавит о количестве душ по селениям Ярославской губернии за 1797 год» // Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), фонд 100, опись 7, единица хранения 741.

3. «Духовные росписи церкви села Ордина. 1821-1841 годы» // Углицкий филиал Государственного архива Ярославской области (УгФ ГАЯО), фонд 90, опись 1, единица хранения 452.

4. «Духовные росписи церкви села Ордина. 1842-1858 годы» // УгФ ГАЯО, фонд 90, опись 1, единица хранения 452.

5. «Исповедные книги церквей города Мышкина и Мышкинского уезда. 1843 год» // УгФ ГАЯО, фонд 18, опись 3, единица хранения 187.

6. «Дача 2-ой части сельца Пальцева» (план 1846 года) // УгФ ГАЯО, фонд Р-851, опись 1, единица хранения 1695.

7. «Дача 1-ой части сельца Пальцева» (план 1846 года) // УгФ ГАЯО, фонд Р-851, опись 1, единица хранения 1697.

8. «Ведомости о составе крестьянских и частновладельческих земельных владений по Хоробровской волости. 1907 год» // УгФ ГАЯО, фонд 82, опись 1, единица хранения 114.

Лес по правому берегу реки Кадки и есть Пальцево, бывшее когда-то и деревней, и сельцом.

Снимок С. Темняткина, 2012 год

К 100-летию Первой мировой войны

Кацкари – военнопленные Первой мировой войны

3 марта 1918 года в Брест-Литовске был подписан мирный договор между Россией – с одной стороны, с другой стороны – Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Одним из последствий подписания этого договора стала репатриация солдат и офицеров русской армии, пленённых за годы Первой мировой войны. И пошли по России тысячи и тысячи некогда пленённых на полях сражений, в боях и окружениях. Сколько же их возвращалось, сколько возвратилось, пройдя по вслокоченной революционными событиями России.

Возвращались они в родные места, но в другую страну, к родным людям, но для другой жизни. Солдаты и офицеры царской армии возвращались в Советскую Россию...

Бывшие пленные сразу попадали в поле зрения местной власти как трудовой и мобилизационный резерв, но, главное, как политическая сила: в качестве кого они возвращались – противников или союзников. Это была жизненная дилемма и самих возвратившихся...

Возвращались в родные места и кацкари.

По архивным документам Угличского филиала Государственного архива Ярославской области, на данный момент удалось составить списки на 221 человек, возвратившихся в Кацкий стан из плена с конца 1918 года по 15 апреля 1919 года. За указанный период в разные селения Галицынской волости вернулось 54 человека, Рождественской волости – 49 человек, Юрьевской волости – 46 человек, Хоробровской волости – 45 человек, в кацкие селения, отошедшие к другим волостям – 27 человек.

Большинство возвратившихся из плена кацкарей – рядовые, но были среди них старшие и младшие унтер-офицеры, фельдфебели, вахмистры, зауряд-прапорщики, ефрейторы, канониры и бомбардиры, и даже штатный музыкант и младший писарь старшего разряда. Большинство вернувшихся кацкарей находилось в плену либо в Германии, либо в Австрии, но вот один из них побывал в лагерях военнопленных обоих государств – рядовой Андрей Иванович Громов из деревни Нефина Юрьевской волости: в плен попал 9 декабря 1914 года, возвратился домой 15 декабря 1918 года, и был три года в Германии и восемь месяцев – в Австрии (на декабрь 1918-го ему 43 года).

Учётом бывших военнопленных кацкарей занимались волостные, уездные и губернские учреждения, уполномоченные советской властью для подобных функций, соответственно по вертикали управления и подчинённости. По месту жительства требовалась обязательная регистрация в волостной милиции (соответственно, в Галицынской, Рождественской, Хоробровской, Юрьевской или другой). Волостные милиции отчитывались в Мышкинскую уездную милицию. Сведения о возвратившихся собирал и отдел социального обеспечения при волостном исполнительном комитете (ВИК) Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (соответственно, при Галицынском, Рождественском, Хоробровском, Юрьевском или другом ВИКе). Вся информация о бывших военнопленных поступала в отдел управления Мышкинского уездного исполнительного комитета (УИК) Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а также Уполномоченному Ярославской губернской комиссии о пленных и беженцах по Мышкинскому уезду (в документах это учреждение упоминается и как Уполномоченный пленбежа по

Мышкинскому уезду, и как Управление Мышкинского уездного уполномоченного по делам пленбеженцев). Название учреждения часто сокращали для быстроты произношения и удобства написания в «Мышкинский пленбеж».

Итак, Мышкинский пленбеж совместно с уездным отделом управления и волостными отделами собеса координировал работу по оказанию необходимой помощи бывшим военнопленным, исходя из их материального положения. Возвращавшимся из плена выдавали денежное и вещественное довольствие. Денежное довольствие состояло из выплаты *кормовых денег*, которые полагались к выдаче всем нуждающимся, но денежная сумма была различной (что видно из нижеприведённых таблиц), и *аванса в счёт жалования* (по 40 рублей тому, кто стал сотрудником советских учреждений). Вещественное довольствие заключалось в выдаче необходимых на момент возвращения одежды, обуви, головных уборов. Список вещей состоял из 11 позиций-наименований, а именно: полупальто тёплое, полупальто лёгкое (летнее), башлык, фуражка, шаровары, брюки, кальсоны, рубаха, гимнастёрка, сапоги, рукавицы. Ни один из бывших военнопленных не получил полный набор вещей; сапог же и брюк не выдавали их никому. Можно предполагать разные причины, но, вероятно, главной была экономическая ситуация на конец 1918 – начало 1919 годов.

Вещественное довольствие получали по *Арматурно-мустиску*, то есть перечню выданных вещей. Список имел номер в соответствии с ведомостями Мышкинского пленбежа, в нём указывали фамилию, имя, отчество, получившего довольствие, что человек получил, его место жительства, и, главное, получатель вещей был обязан по засвидетельствованию в Волисполкоме вернуть Арматурный список в пленбеж с распиской для контроля и учёта.

...Возвращались в родные места кацкари. Возвращались в одно селение и по одному человеку, и по несколько человек (например, в село Ордино, деревни Платуново, Мартыново). Как долго не видели они родных мест и думали ли вновь увидеть?.. Им было что рассказать, а рассказывали ли?.. Многие из них находились в плену не год, и не два, а с самого начала войны... Германия объявила войну России 19 июля 1914 года, Австро-Венгрия – 24 июля 1914 года. Многие из кацкарей, возвратившихся в конце 1918 – начале 1919 годов, попали в плен уже летом-осенью 1914 года.

Обстоятельства и места пленения – это отдельное исследование. Предполагать можно многое: например, 8-18 августа 1914 года было наступление II русской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии, тогда же её поражение у Мазурских озёр, и кто-то из кацкарей мог попасть в плен именно там. Последующие годы войны – и 1915-й, и 1916-й, и 1917-й – не были исключением: кацкие мужики становились русскими военнопленными, как и многие, многие, многие... Даже 1918-й год – не исключение. Так, старший унтер-офицер Василий Иванович Брусницын из деревни Малые Поповичи Рождественской волости попал в плен 1 марта 1918 года – за два дня до подписания в Брест-Литовске мирного договора с Германией, возвратился из той самой Германии 12 октября 1918 года. Время плена незначительно, но плен был, и это, безусловно, осталось в его душе, и это факт его судьбы. Его и всех остальных, кто вернулся тогда в родные кацкие места...

СПИСОК КАЦКАРЕЙ – ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ПО ГАЛИЦЫНСКОЙ ВОЛОСТИ

Фамилия, имя, отчество военнопленного, его возраст и звание	Дата пленения - место пребывания в плену - дата возвращения из плена	Довольствие, выданное из Мышкинского уездного пленбежа
д. АНТИПОВО		
Балмасов Осип Иванович, 29 лет, ефрейтор	7 июля (июня) 1915 года - Австрия - 1 мая 1918 года	-
Бедняков Павел Александрович, 26 лет, медицинский фельдшер	16 (1) октября 1917 года - Германия - 2 сентября 1918 года	-
Поздняков (Бедняков) Михаил Александрович, 32 года, рядовой	13 (11) августа 1915 года - Германия - 27 декабря 1918 года	-
Ситников Евгений Сергеевич, рядовой	13 августа 1914 года - Германия - 21 января 1919 года	Аванс в счёт жалования 40 рублей, кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, шаровары, рубаха и кальсоны - <i>получил 27 января 1919 года</i>
Степанов Евгений Сергеевич, 28 лет, рядовой	11 августа 1915 года - Германия - 27 декабря 1918 года	-
д. ГАЛИЦЫНО		
Воронов Василий Степанович, 22 года, рядовой	2 (20) октября 1917 года - Германия - 29 ноября 1918 года	-
Смирнов Михаил Степанович (Семёнович), 38 лет, ефрейтор	31 (?) сентября 1915 года (31 августа 1914 года) - Германия - 4 декабря 1918 года	-
Соколов (Соловьёв) Александр Филиппович, 35 лет, рядовой	22 октября 1915 года - Австрия - 11 сентября (августа) 1918 года	-
д. ГЛАЗОВО		
Клещев Дмитрий Фёдорович, 27 лет, ефрейтор	11 февраля 1918 года - Германия - 31 декабря 1918 года	Аванс в счёт жалования 40 рублей, кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, шаровары, кальсоны и рубаха - <i>получил 27 января 1919 года</i>
Тимофеев Николай Петрович, 33 года, рядовой	3 (11) июля 1915 года - Австрия - 3 ноября 1918 года	Аванс в счёт жалования 40 рублей, кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, рубаха и кальсоны - <i>получил 31 января 1919 года</i>
Фролов Алексей Михайлович, 26 лет, младший унтер-офицер	29 июня (21 июля) 1915 года - Германия - 25 ноября 1918 года	-
Хренов Андрей Фёдорович		40 рублей - <i>получил 31 января 1919 года</i>
д. ГУСЕВО		
Репин Павел Петрович, 40 лет, старший унтер-офицер	10 октября 1914 года - Германия - 19 октября 1918 года	-
д. ЗОБОВО		
Лапшин Клементий Виссарионович, 32 года, рядовой	15 декабря 1914 года - Германия - 5 декабря 1918 года	Аванс в счёт жалования 40 рублей, кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, полупальто летнее, башлык, шаровары, фуражка, рубаха и рукавицы - <i>получил 18 февраля 1919 года</i>
Первов Андрей Титович, 30 лет, рядовой	9 ноября 1914 года - Германия - 20 ноября 1918 года	-
д. ЗОЛОТУХИНО		
Крылов Николай Иванович, 35 лет, ефрейтор	21 ноября 1914 года - Германия - 9 февраля 1919 года	-
с. КОВЕЗИНО (ПОКРОВСКОЕ В КАДКЕ)		
Воронов Александр Ефимович, 35 лет, ефрейтор	7 января (августа) 1915 года - Австрия (Германия) - 28 марта 1918 года (28 февраля 1919 года)	Шаровары - <i>получил в апреле 1919 года</i>
д. КОМАРОВО		
Доставалов (Достохвалов) Иван Петрович, 40 лет, рядовой	23 марта 1915 года - Австрия - 4 декабря 1918 года	Полупальто летнее - <i>получил 21 февраля 1919 года</i>
Лебедев Василий Павлович, 28 лет, ефрейтор	21 марта 1915 года - Австрия - 12 ноября 1918 года	-
Лебедев Фёдор Петрович, 39 лет, рядовой	8 октября 1915 года - Австрия - 11 сентября (августа) 1918 года	-
д. КРИВЦОВО		
Глазунов Александр Сергеевич, 24 года, рядовой	23 июня 1915 года - Германия - 18 февраля 1918 года	-
Кубышкин Алексей Афанасьевич (Арсентьевич), 40 лет, рядовой	15 июня (13 июля) 1915 года - Австрия - 2 августа 1918 года	-
Платонов Андрей Арсентьевич, 38 лет, старший унтер-офицер	21 марта 1915 года - Австрия - 20 октября (июля) 1918 года	-
Тихомиров Алексей Николаевич, 26 лет, рядовой	1 августа 1915 года - Германия - 29 ноября 1918 года	-
д. КУВШИНОВО		
Крылов Тихон Васильевич, 32 года, рядовой	12 ноября 1915 (1916) года - Германия - 21 ноября 1918 года	Кормовые деньги 7 рублей 58 копеек - <i>получил 3 февраля 1919 года</i>
Румянцев Илья Перфильевич, 38 лет, рядовой	24 августа (апреля) 1915 года - Австрия - 18 декабря 1918 года	-
Семёнов Иван Петрович		Аванс в счёт жалования 40 рублей, кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, полупальто летнее, башлык, шаровары, фуражка, рубаха, кальсоны и рукавицы - <i>получил 13 февраля 1919 года</i>
д. НЕУМОЙКИ (МИРНАЯ)		
Иванов Михаил Михайлович, 35 лет, рядовой	19 февраля 1915 года - Германия - 1 ноября 1918 года	-

д. НОВИНКИ		
Егоров Андрей Филиппович, 32 года, рядовой	25 июня 1915 года - Австрия - 29 августа 1918 года	-
Оленёв Дмитрий Павлович, 30 лет, рядовой	3 декабря 1914 года - Австрия - 3 февраля 1919 года	-
д. ПАВЛОВО		
Виноградов Дмитрий Петрович, 30 лет, рядовой	3 декабря 1914 года - Австрия - 10 ноября 1918 года	-
Лазарев Иван Михайлович, 28 лет, рядовой	6 мая 1915 года - Австрия - 8 ноября 1918 года	-
д. ПЛИШКИНО (ПЛИШКИНО ПОКРОВСКОЕ)		
Антонов Пётр Тимофеевич, 28 лет, рядовой	13 июля 1916 (1915) год - Австрия - 19 октября 1918 год	-
Беляков Александр Васильевич		Кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, полупальто тёплое, шаровары, рубаха и кальсоны - <i>получил 18 января 1919 года</i>
Беляков Алексей Максимович, 27 лет, рядовой	15 февраля (апреля) 1916 года - Германия - 16 (10) декабря 1918 года	Полупальто тёплое и шаровары - <i>получил 13 января 1919 года</i>
Беляков Андрей Михайлович		Кормовые деньги 7 рублей 58 копеек - <i>получил 13 января 1919 года</i>
Беляков Василий Ефимович, 33 года, рядовой	7 июня 1915 года - Австрия - 22 октября 1918 года	Полупальто летнее - <i>получил 21 февраля 1919 года</i> ; полупальто летнее, шаровары, рубаха и рукавицы - <i>получил 15 марта 1919 года</i>
Иванов Александр Фёдорович, 33 года, рядовой	13 июля 1915 года - Австрия - 10 июля (июня) 1918 года	-
Петров Иван Евстигнеевич		Полупальто летнее, шаровары, рубаха - <i>получил в марте 1919 года</i>
Селезнёв Пётр Артамонович, 28 лет, рядовой	13 июня (июля) 1915 года - Австрия - 6 ноября 1918 года	-
Холманов Пётр Степанович (Семенович), 31 год, музыкант	27 июня (января) 1915 года - Германия - 22 ноября 1918 года	-
д. СОЛОМЕИНО		
Комаров Александр Сергеевич, 35 лет, рядовой	19 октября 1914 года - Австрия - 19 октября (29 ноября) 1918 года	-
Якунчиков Алексей Николаевич, 25 лет, рядовой	7 августа (июня) 1915 года - Германия - 24 ноября 1918 года	-
д. СОПИНО		
Панфилов Степан Андреевич, 36 лет, рядовой	23 сентября 1915 года - Германия - 23 ноября 1918 года	-
д. ТРУШНЕВО		
Преснов Фёдор Иванович, 27 лет, младший унтер-офицер	17 августа 1915 года - Германия - 11 августа 1918 года	-
Ухов Николай Карпович, 29 лет, рядовой	17 июля (августа) 1914 года - Австрия - 17 ноября 1918 года	-
д. ЧИЖОВО		
Смирнов Фёдор Иванович, 30 лет, рядовой	26 августа 1915 года - Германия - 28 (26) ноября 1918 года	-
д. ЩЁЛПОВО		
Карпов Алексей Демьянович, старший унтер-офицер	10 октября 1914 года - Германия - 7 декабря 1918 года	-
Степанов (Смирнов) Дмитрий Яковлевич, 22 года, рядовой	29 октября 1916 года - Австрия - 22 октября 1918 года	-
Фёдоров Александр Фёдорович		Аванс в счёт жалования 40 рублей, кормовые деньги 7 рублей 58 копеек, полупальто тёплое, шаровары, башлык, фуражка, рубаха и кальсоны - <i>получил 13 января 1919 года</i>
д. ЯКСАЕВО		
Баев Александр Иванович, 25 лет, рядовой	7 февраля 1917 (1916) года - Германия - 28 ноября 1918 года	-
Волков Василий Николаевич, 26 лет, младший унтер-офицер	23 марта 1915 года - Германия (Австрия) - 11 ноября 1918 года	-
Преображенский Пётр Григорьевич, 40 лет, ефрейтор	23 марта 1915 года - Австрия - 5 июня (июля) 1918 года	-
Чепурин Иван Фёдорович		Кормовые деньги 3 рубля 79 копеек, полупальто летнее, шаровары - <i>получил 15 февраля 1919 года</i>

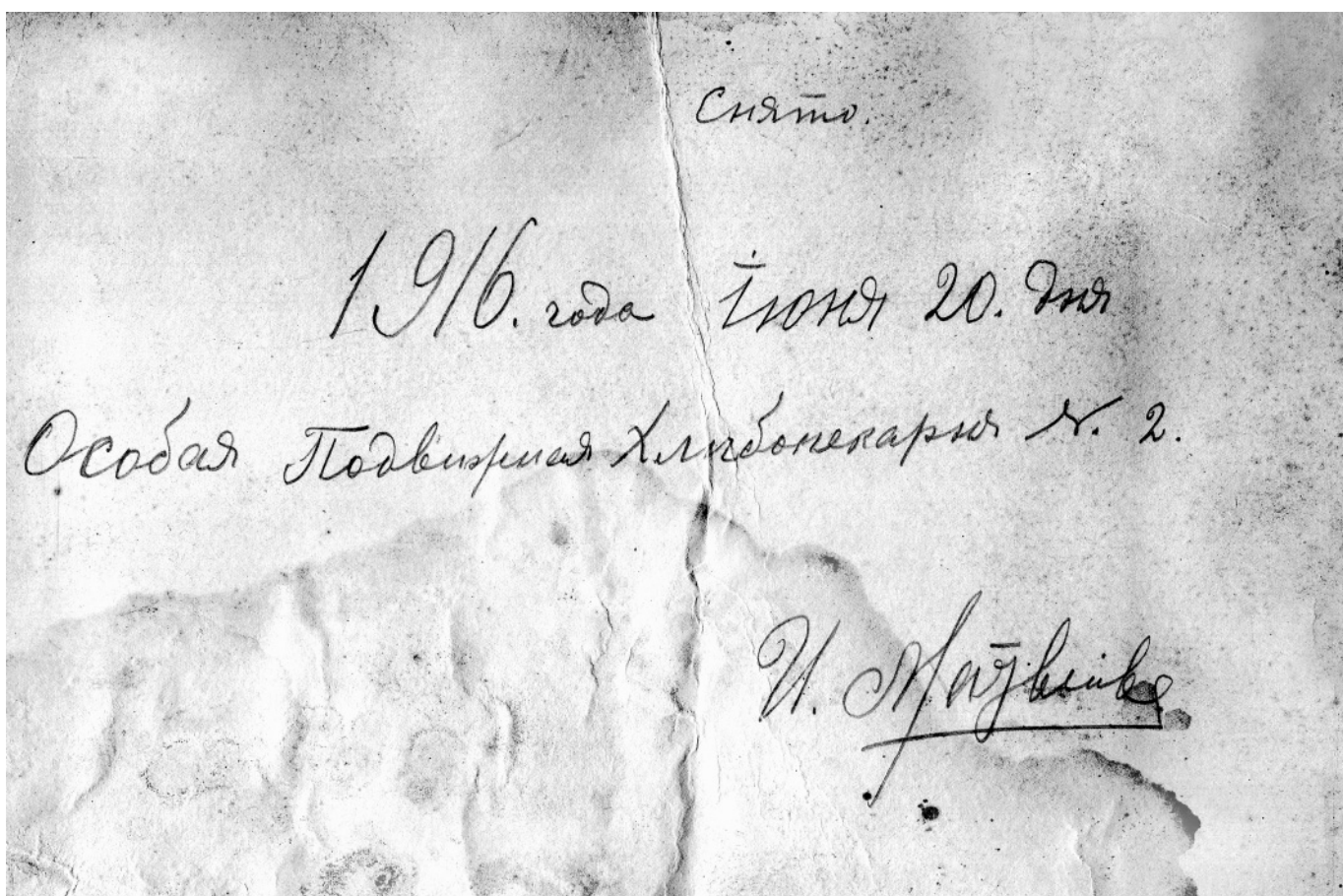
Продолжение (списки по Рождественской, Юрьевской, Хоробровской волостям и кацким селениям, отошедшим к другим волостям) следует.

Татьяна Анатольевна Третьякова,
кандидат исторических наук, историк-архивист, г. Углич

ИСТОЧНИКИ:

1. «Списки военнопленных, возвратившихся в Мышкинский уезд. 1918-1919 годы» // Угличский филиал Государственного архива Ярославской области (УФ ГАЯО), фонд Р-654, опись 1, единица хранения 37.

2. «Списки военнопленных, возвратившихся в Мышкинский уезд. 1919 год» // УФ ГАЯО, фонд Р-654, опись 1, единица хранения 66.

А ведь со времени Первой Мировой войны не прошло и ста лет, но что помним, что знаем мы о ней? Одна лишь память – истрепавшиеся никому не нужные фотографии с чердаков старых изб. Как эта – из деревни Нефина. Кто на них снят, при каких обстоятельствах, уже никогда не узнать. Хорошо, если есть надпись на обороте: «Снято 1916 года июня 20 дня. Особая подвижная хлебопечарня № 2. И. Матвеев»

У наших соседей

Эх, погуляем...

(Наиболее значимые сельские праздники Некоузского района в 50-80-х годах XX века)

Некоузский район, конечно, не Кацкий стан, но... что-то кацкое в нём есть! Во-первых, Верхняя Кадка (село Ковезино с деревнями) территориально отошла к Некоузу ещё в 1929 году. А во-вторых, некоузцы – наши ближайшие соседи. Стало быть, мы имеем полное право опубликовать очерк некоузской исследовательницы, прозвучавший нынче на XII Кацких краеведческих чтениях. Читайте, кацкари, сравнивайте: как у нас и как у наших соседей.

Праздники любят, наверное, все. Сейчас их много. Но вот о некоторых праздниках люди среднего и старшего поколения говорят: «День народного единства... Ну и что это такое? А вот раньше праздники были другие, и воспринимались они не так, как теперь».

И я решила выяснить, какие праздники и почему больше всего любили жители Некоузского района в 50-80-е годы XX века. Для этого был проведён подробный опрос людей в возрасте 50-80-ти лет, живших в нашем крае в то время. Новый год, 23 Февраля, 8 Марта и 9 Мая любили, как и теперь. Особенно трепетно относились к празднику Победы – ведь тридцать-сорок лет назад было больше людей, которые помнили бы войну и сами видели победный май 1945 года. (Для большинства из нас, наверное, это праздник никогда не будет наполнен таким содержанием, как для них).

Первое мая и раньше считалось праздничным днём, но суть его, как вы знаете, изменилась. Это был советский праздник, который символизировал единство рабочих всего мира. Те, кто жил в сёлах и деревнях района, смотрели по телевизору демонстрации в Москве и просто радовались праздничному дню.

А жители крупных посёлков – например, Некоуза и Волги – шли, как говорится, «добровольно-принудительно» на демонстрацию. Но опрашивая бывших участников демонстраций, я узнала удивительную вещь: большинство (девять из двенадцати) это шестие всё-таки любили, несмотря на так называемую «обязаловку». Так, Нина Николаевна Письменчук, долго работавшая завучем в Некоузской средней школе, вспоминала: «Заранее ду-

мали, как украсить свою колонну, потом шли все вместе. Было как-то интересно, получалось какое-то отличие от обычных дней. И несмотря на то что приходилось отвечать за идущих в колонне детей, демонстрации я любила».

То же самое можно сказать и о 7 Ноября – Дне Великой Октябрьской Социалистической революции, который ныне из череды праздников исключён. Имелись, конечно, и недовольные, которые говорили: «И что нас гоняют по улице?» Но теперь демонстрации большинство людей вспоминает с удовольствием, хотя это может быть просто ностальгия по прошлому.

Перечисленные праздники были общегосударственными, отмечались каждый год и, кроме 23 Февраля, были выходными.

Но мне удалось узнать и кое-что неожиданное. Оказалось, в сёлах нашего Некоузского района любимыми праздниками были... Выборы в Верховный Совет СССР и День окончания весеннего сева, который назывался «Берёзка».

В выборном бюллетене мог быть один утверждённый кандидат. Но большая часть людей тогда не думала, что может быть по-другому. Считалось, что «... в Москве, в Кремле, виднее».

Выборы в некоузских сёлах воспринимались как праздник не только потому, что народ считал, что помогает поддерживать якобы единственно правильный социалистический строй, но в большей степени потому, что сама обстановка выборов была необычной. Избирательный участок старались как можно лучше украсить. Например, в деревне Масло-

во Лацковского сельсовета выборы проходили в школе, где заранее примывали не только полы, но и стены, а всё помещение украшали еловыми ветками и красными ситцевыми лентами. На выборы обычно брали с собой детей, и бюллетень в урну опускал чаще всего ребёнок. Вид кабинета и вся атмосфера, так отличающаяся от обыденной, на сельских ребятинках оказывала большое впечатление.

В каждом селе или деревне, где имелся избирательный участок, обязательно выступала художественная самодеятельность. Но главным праздничным моментом выборов 1950-1980-х годов было то, что на участках работали буфеты. Дороги в районе в то время были плохие, не везде асфальтированные, и, например, пиво и пирожные в Спас-Ильде возили очень редко – один-два раза в год. А вот в выборы, к радости мужчин и детей, с большими предосторожностями, держа коробки почти на руках, чтобы не побило и не растрясло, работники торговли привозили обязательно. Кое-кто, правда, так напивался, что над ним потешались несколько лет. Раз в том же селе Спас-Ильде один избиратель заснул в школе, где проходили выборы, прямо на диване в учительской. Незадачливому пьянице, когда стемнело, в шутку подставили скелет из кабинета биологии. Говорят, что избиратель, к радости жены, протрезвел разом.

Некоторые избиратели превращали выборы в своеобразное соревнование. Так, жительница посёлка Волги Валентина Ивановна Сидорова старалась прийти на избирательный участок самой первой, то есть в шесть часов утра. Дело в том, что первому избирателю на участке тогда давали какой-либо незатейливый приз – чаще всего книгу. Валентине Ивановне не столько нужна была книга, сколько важен сам факт: прийти на участок первой. Это казалось почётным.

Праздником для сельских жи-

телей Некоузского района являлась и «Берёзка» – День окончания весеннего сева. Механизаторам, которых в деревнях в те времена было много, вручали призы и грамоты. В этот день тоже работали буфеты с пивом, пирожными и лимонадом. Правда, женщины, чьи мужья любили выпить, эти буфеты не жаловали. Но вот дети могли купить лимонад, и от этого были в полном восторге.

Но с «Берёзкой» дело обстояло вообще-то не так просто, как кажется. Введение этого праздника было попыткой заменить православную Троицу. Даже сцену в клубе, где чествовали механизаторов, украшали берёзовыми ветками; на улице вокруг клубов тоже обычно расставляли срубленные деревья. Но люди такую замену не приняли, и «Берёзка» оставалась «Берёзкой», а Троица – Троицей.

В Троицу обычно ходили на кладбище, крошили птицам зерна, а потом собирали угощение, поминая усопших. Иногда столы расставляли прямо на улице у дома и приглашали соседей. Представителям власти, по крайней мере в 1950-1980-е годы, не оставалось ничего другого, как делать вид, что не замечают этих столов и вообще не знают никакой Троицы.

Были ещё два праздника, которые в советский период тоже счи-

тались «незаконными». Это Старый Новый год и Пасха.

Старый Новый год большим праздником считали старики, но как-то по-особому его не отмечали, а вот молодёжь особенно любила. Правда, если можно так выразиться, «из хулиганских побуждений». В ночь на Старый Новый год в деревнях, да и в Новом Некоузе тоже, обязательно заваливали чьи-либо двери. Учителя заранее предупреждали, что делать этого нельзя, в школах потом собирали линейки и ругали провинившихся, но всё без толку... Раз (в 1985 году) мальчишки из Некоузской школы завалили дровами дверь самого директора Константина Павловича Баранова. А потом уверенные в том, что он сидит дома и ничего не слышит, вспомнив кота Леопольда из мультфильма, кричали: «Константин, подлый трус, выходи!» Каков же был ужас ребят, когда они услышали сзади: «А я уже иду!» Оказалось, что директор был у соседей и припозднился, а в доме находилась только его жена...

Так что в Старый Новый год молодёжи было весело. А те, кого завалили, не очень-то и ругались, вспоминая, наверное, свою молодость (Константин Павлович, кстати, тоже не стал разбираться с мальчишками). Но вот почему в Старый Новый год надо хулиганить, никто объяснить не смог.

Удивительно, что в период 1950-1980-х годов, несмотря на запрет, праздновали Пасху. Яйца красили 70-80 % населения, и основной смысл праздника, что Христос был распят, а потом воскрес, знали и взрослые, и дети. Запреты только подогревали желание отметить праздник. Ребята обменивались яйцами, а старшеклассники правдами и неправдами, уже скорее из упрямства, пытались попасть в церковь, куда их не пускали учителя и милиция.

Масленицу отмечали практически всюду. В крупных посёлках и сёлах (Лацком, Веретее) праздник проводили работники клубов, а в деревнях молодёжь просто сама по себе каталась на лошадях, ездил из деревни в деревню. О том, чтобы дали лошадей, предварительно, чуть ли не за месяц, договаривались с бригадиром и конюхами. Так же заранее, в течение двух-трёх недель, припасали украшения на упряжь: закупали разноцветные узкие шёлковые ленточки, выпрашивали, где только могли, колокольчики и бубенчики. Таким образом, подготовка к катанию получалась не менее интересной, чем само катание.

Вечером за каждой деревней непременно жгли большой костёр из автомобильных покрышек и другого горючего материала, собираемого почти всю масленичную неделю. На костёр приходили смотреть все желающие, не исключая стариков.

Блины кто-то дома пёк, кто-то нет, но масленичные гуляния запоминались.

Я ничего не сказала о личных и профессиональных праздниках – они были почти такими же, как и теперь.

А работа над темой оказалась интересной и принесла несколько неожиданные результаты. Итак, в 50-80-е годы XX века в Некоузском районе настоящими праздниками, особенно на селе, считались выборы в Верховный Совет и День окончания весеннего сева. Несмотря на запрет, продолжали отмечать Пасху и Троицу. И местная власть, по крайней мере в 1970-1980-е годы, вынуждена была с этим мириться.

Елена Владимировна Чернухина,
Некоузский историко-краеведческий музей,
п. Новый Некоуз

Праздничный день в селе Ковезине Верхней Кадки. 1963-1965-е годы. Позади справа – сельмаг, бывшая лавка Ивана Николаевича Гарина.

Снимок из собрания Этнографического музея кацкарей

Рождествено. Май

1960-е годы – времена молодой, активной, творческой интеллигенции. Работали, занимались общественной деятельностью, дружили – всё вместе. Жаль, остались с той поры лишь воспоминания да фотографии. Как эта, выполненная в селе Рождествено в Кацке возле старой каменной школы. Сельские активисты собрались по поводу то ли Первого, то ли Девятого мая...

Первый ряд (слева направо):

1. Мария Георгиевна Бранкина – учительница русского языка и литературы Рождественской школы. Жила она, правда, не в самом селе, а деревне Антешлеве – её родовой дом, говорят, и до сих пор стоит. Многие вспоминают Марию Георгиевну как талантливую самостоятельную актрису, игравшую в незначительном содружестве с другим, задумав театралом – учителем Дмитрием Измайловичем Лебедевым. Была ли замужем, кацкари не помнят; фамилию, кажется, носила девицью. Растила сына. Умерла в Угличском доме престарелых.

2. Людмила Ивановна Шамина – ещё одна театралка. Кацкарка не по рождению, а «по распределению» в советские годы выпускница учебных заведений в обязательном порядке. Люду Грачёву, уроженку Мологского района, распределительная комиссия Ярославского медицинского техникума направила заниматься Рождественской аптекой. Кто-то, отработав положенный срок, уезжал сразу, а Людмила Ивановна прикипела к Кацкому стану на всю жизнь: здесь и замуж вышла, и двоих детей родила. По первому работала в аптеке одна во всех лицах: и аптекарь, и фармацевт. Дня одной только Рождественской больницы всевозможных мазей, микстур и растворов надо было изготовить целую корзину! Умерла, похоронена на Рождественско-Кацком кладбище.

3. Надежда Николаевна Рыкачёва – учительница биологии и химии. Была из тех, о ком говорят: «Всю себя отдаёт работе!». Ах, какой был при ней пришкольный участок и опыты ставили, и расходу на продажу выращивали, а сослётвов из Ярославля её воспитанники всемерно возращались с призовыми местами. А родилась Надежда Николаевна здесь же, в селе Рождествено – девица её фамилия Жукова. Замуж вышла за инваляда войны, родила от него сына. Жаль, переманила её сестра на житьельство в Белоруссию; жила ли там старая рождественская учительница, нет ли – не знаем.

4. Александра Андреевна Морозова – ещё одна кацкарка некаких корней: родилась она в Рыбинском районе, работала в райком комсомола Масловского района, будучи по работе в Рождествено, влюбилась в эдзешнего парня. Пришлось сменить девицью фамилию Христина на Морозова. В Рождествено она стала преподавать историю, долгое время была и завучем школы. Учительницей была строгая и любящая, чтобы её предмет, как говорили «от зубов летит!» – историю в Рождествено учили все. Интересовалась политикой, выписывала уйму газет, штурдуя их «от корки до корки». Мать, девицек-двойняшек. У них и умерла в Рыбинске, там и похоронена.

5. Антонина Павловна Шамина – фельдшер Рождественской участковой больницы; случалось, исполняла обязанности и главного врача. Внимательная, знающая своё дело – говорят, настолько точно ставила диагнозы, что и опытные врачи к ней прислушивались. Случилось так, что пришлось перейти на работу в Аристовский ФАП – и туда к ней народ валом валил. Сейчас на пенсии, живёт в Мышкине, но трудовую деятельность не прекращает и принимает больных в заволосном Серском ФАПе. А родилась она здесь, в Рождествено – в семье Жуковых. Людмиле Ивановне (вторая в первом ряду) сноха (их мужья – родные братья). Вырастила двоих детей, дождалась двоих внуков.

6. Ольгу Павловну Воронову земляки вспоминают как учительницу начальных классов, и мало кто знает теперь, что в далёком-далёком 1946 году после окончания шестимесячных курсов в Рождественскую школу она пришла учителем физкультуры. На начальные классы перешла, заочно закончив в 1952 году Ярославское педагогиче. Родом же из Большого Полоповичева, из болюшней семьи Куяковых – три сестры и пятеро братьев было их у родителей. Сама же родила двоих детей, когда пришла время и ей выйти замуж. Умерла, похоронена в Рождествено-Кацком.

7. Гаяля Воронова прижалась к маме и покамест, конечно, не знает, что в далёком будущем сама станет учительницей. Да-да, это Галина Алексеевна Башкинова! Её жизнь сложилась так: после десятого класса в родной Рождественской школе отработала год воспитателем группы продлённого дня; даже учителем географии пришлось немного побыть. Затем училась в Ярославском пединституте и по распределению попала в Мышкин, где честно преподавала географию полюбленные три года. А сердце рвалось домой, тем более что разболелась мама. Преподавала географию, а с 1993 года – историю, сменив ушедшую на заслуженный отдых Александру Андреевну Морозову. Замуж вышла за кацкаря, но семейная жизнь не сложилась. Живёт в Рождествено, сыну у неё уже взрослых!

8. Нина Леонидовна Шеина – присланная по распределению учительница физики. Отработав положенный срок, вернулась в свой родной Ярославль, и поэтому об её дальнейшей судьбе никто из кацкарей не знает.

9. Юрий Максимович Афанасьев – учитель физкультуры. Уже по фамилии видно, что не кацкарь – украинец он, из Запорожья (молодых специалистов тогда распределяли по всей стране). Спортивная жизнь при нём заблала ключом, да каким! Многим помнятся организованные им походы за тысячу вёрст: в Карелию, Домбай, на Урал. А уж на Коржожечу с ночёвкой выбиралась вся школа с пятюто по десятый класс. Продукты с пакетами и прочим походным снаряжением везли на тракторных санях (иначе по нашему бездорожью было нельзя), а школьники добирались туда пешком, разобившись на отряды. Женщины Юрии Максимовича на кацкарке, увёз её к себе на Украину – но там и развёлся, и профессию сменил. Умер, оставив после себя двух сыновей.

Второй ряд (слева направо):

1. Анастасия Александровича Шамина многие воспринимали уже как коренного кацкаря. Ан нет: родился он в Даниловском районе, учился в тамошнем сельском хозяйственном техникуме и начал работать землестроителем при областном управлении сельского хозяйства. Новот в 1953 году вышло постановление ЦК КПСС об усилении сельского хозяйства специалистами, и Анастасию Александровичу предложили ехать в Рождественскую МТС. Нашёл Рождествено на карте и за сердце хватился: окраина области, от железной дороги не меньше двадцати километров, кругом болотца и совсем без лесов! Как ни упирался, пришлось ехать – такие были времена. Думал ли, что останется в Кацком стане на всю свою жизнь. Здесь нашёл любовь и для себя (Людмила Ивановна Шамина из первого ряда его жена), и для брата (а тот женился на Антонине Павловне Шаминой) – тоже из первого ряда). Из землестроителей МТС перешёл работать в Рождественскую школу, где преподавал черчение, физкультуру, а с 1961-го по 1998 год был учителем труда. Сейчас на пенсии, живёт по-прежнему в Рождествено, о котором знает много и с интересом рассказывает.

2. Василий Булай – заведующий Рождественским сельским клубом. Вот и всё, что о нём помнят, поскольку в Кацком стане он отработал всего полгода.

3. Константин Филиппович Морозов – уроженец деревни Чириково. Работал заведующим складом Рождественского сельсо, а в одно время и возглавлял эту организацию. Правда, в 1964-1966 годах он сидел дома с двумя дочками-двойняшками, а жена заканчивала заочное обучение в пединституте. Да-да, Константин Филиппович – муж «исторички» Александры Андреевны Морозовой; это вспоминают как идеального семьянина: и корову подойт, и блинов напечёт. Умер нестарым: в Мышкине на одном из заседаний, по обычаю того времени «прорабатывались» руководители организаций и до того «допрорабатывались», что у Константина Филипповича случился инфаркт; похоронен на Рождественско-Кацком кладбище.

4. Галина Алексеевна Платонова – пионервожатая, а после окончания Перславского училища здесь же, в Рождествено, работала киномехаником. Замуж вышла за Николая Ярославского – сына таральковского священника и уехала с ним в Ярославль. Там с мужем и по сей час живёт, родные края навещает. Двое детей, Юрий Максимович Афанасьев она свояченица – сестра жены.

5. Нина Сергеевна Колосова – присланная по распределению учительница физики и математики. После трёх лет обязательной отработки вернулась в Ярославль и дальнейшая судьба её кацкаря неизвестна.

6. Повариха откуда-то с Кобелева-Крайнова, с Нижней Кадки. Зовут, кажется, Гаяля, а более о ней пока ничего не известно.

7. Ещё одна повариха – тоже, кажется, Гаяля, и тоже с Нижней Кадки. Может, кто и признает её из нижних кацкарей?

Сергей Темнякин,
Этнографический музей кацкарей

РОЖДЕСТВЕНО. МАЙ. 1964-1965 годы.

Снимок из собрания Этнографического музея кацкарей

Пальцево и Репин починок

Земельное владение (как говорили раньше «дача») Пальцево и Репин починок на карте не подписано, но най-чичего легко – оно под номером № 579. С севера – деревня Гольханово и село Ордино, с востока – река Кадка и с юга – деревня Широково.

Самые глазастые отыщут и три части Пальцева. Видите ближе к Широкову цифру «1»? Это та самая часть в 34 десятины (то есть 37,1 гектара), которую в своё время выкупили широбовские крестьяне. Ручеёк, впадающий в Кадку – при желании и его можно рассмотреть – называется Жеребачий ручей.

Под цифрой «2» средняя часть Пальцева в 73,3 десятины (или 80,1 гектара), доле других оставшаяся помещицей; на ней отмечен дом с приусадебным участком. Но она тоже в конце концов окажется во владении у широбовских крестьян. Большой омут чуть выше устья речки Татарки (на карте она подписана неправильно но «ручей Шумаронский») называется Тимохина мельница – видимо, стояла тут в стародавнюю старину водяная мельница.

Ближе всего к Ордину располагалась длинная узкая часть Пальцева в 9,8 десятины (или 10,7 гектара) – цифру «3» почти не видеть, которую выкупил ординский крестьянин Иев Петров.

